

СБОРНИК ОСТРОСЮЖЕТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

КАЛИБР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?

Составитель: **СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ**

**ПАНОВ, КОРНЕВ, КАГАНОВ,
КОНТОРОВИЧ, БЕНЕДИКТОВ,
ТЫРИН, ТРУСКИНОВСКАЯ,
ВОЛКОВ**

Дмитрий Казаков

Калибр имеет значение?

«Издательство Пятый Рим»

2019

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)

Казаков Д. Л.

Калибр имеет значение? / Д. Л. Казаков — «Издательство Пятый Рим», 2019

ISBN 978-5-9500938-4-5

Представим. Подписан указ о свободном хранении и ношении огнестрельного оружия. Что произойдет потом, через день, месяц, год? Как изменится столь привычный для нас мир, когда у каждого встречного с собой может оказаться весомый крупнокалиберный аргумент? Станем ли мы обществом запуганных невротиков, что боятся сказать друг другу лишнее слово, или – наоборот – превратимся в страну без преступлений, с вежливыми и предупредительными гражданами? Издательство «Пятый Рим» представляет новый сборник остросюжетной социальной фантастики сообщества «Литературные проекты Сергея Чекмаева». По замыслу составителя рассказы сборника специально разнесены в два противоположных по смыслу раздела – «за» и «против». Пусть каждый читатель посмотрит на яркие картинки ближайшего будущего, нарисованные популярными писателями-фантастами, и сам решит, какая позиция ему больше подходит.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9500938-4-5

© Казаков Д. Л., 2019
© Издательство Пятый Рим, 2019

Содержание

Общественная дискуссия	6
За: Оружие объединяет и защищает	8
Дзыговбродский Дмитрий	8
Вадим Панов	19
Павел Корнев	40
Кирилл Бенедиктов	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Калибр имеет значение?

© Дзыговбродский Д., Панов В., Корнев П., Бенедиктов К., Некто Любой, Тырин М., Калиниченко Н., Щербак-Жуков А., Конторович А., Холмуратов Е., Казаков Д., Каганов Л., Вереснев И., Волков С., Бортникова Л., Градинар Д., Томах Т., Чекмаев С., Трускиновская Д., 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

Общественная дискуссия

Уважаемый читатель!

Сборник фантастических рассказов издательства «Пятый Рим», который вы держите в руках, появился на свет не совсем обычным образом. В современном мире, когда книга постепенно уступает позиции сериалам, социальным сетям и компьютерным играм, издатель вынужден искать новые возможности для финансирования литературных проектов. Особенно если речь идет о сборнике рассказов на спорную, общественно значимую тему легализации гражданского оружия.

Сообщество «Литературные проекты Сергея Чекмаева» объявило сбор читательских средств на издание книги через краудфандинговую площадку Planeta.ru. С самого начала наш проект поддерживало движение «Право на оружие», но, посоветовавшись, мы решили не делать книгу пропагандистской листовкой какой-то одной позиции. По замыслу составителя рассказы сборника специально разнесены в два противоположных по смыслу раздела – «за» и «против». Пусть каждый читатель посмотрит на яркие картинки ближайшего будущего, нарисованные писателями-фантастами, и сам решит, какая позиция ему больше подходит.

Не в первый уже раз мы запускаем краудфандинговые проекты, и всегда нам удавалось набрать необходимую сумму. Вот и сейчас с помощью почти 300 акционеров мы собрали все, что намеревались, и выражаем им всем огромную благодарность. Без вас, друзья, эта книга бы не появилась.

В первую очередь необходимо отметить наших меценатов: генерального спонсора – оружейный магазин «Папины игрушки» и двух основных спонсоров – общественное движение «Право на оружие» и Интернациональный Союз писателей. Логотипы и названия организаций вы можете увидеть, закрыв книгу. Также мы персонально благодарим каждого покупателя акции «Помощник», который внес немалый вклад в рождение книги. С признательностью и гордостью перечисляем их имена:

Кондратьева Екатерина Васильевна, Кулешов Андрей Алексеевич, Ткаченко Игорь Александрович, Филь Максим Леонидович, Кожевников Игорь Викторович, Голишев Илья Русланович, Степанов Павел Андреевич, Платковский Владимир Владимирович, Абросимов Дмитрий Евгеньевич, Слизкой Константин Игоревич, Щичко Иван Сергеевич, Демидов Павел Владимирович, Кауль Юрий, Меньших Станислав Валерьевич, Иванов Никита Михайлович, Луценко Павел Владимирович, Зудов Дмитрий Викторович, Качуев Алексей Михайлович, Кушнир Наталия Михайловна, Татьянин Дмитрий Владимирович, Гостев Максим Васильевич, Вилков Артем Владимирович, Яценко Александр Евгеньевич, Сибгатуллин Айнура Анверович, Спицын Павел Николаевич, Кузнецов Александр Евгеньевич, Абдусалямов Роман Вениаминович, Лазарев Дмитрий Владимирович, Ефимович Александр Васильевич, Агаркова Елена Анатольевна, Пехов Алексей Юрьевич.

Кто-то, возможно, скажет, что для социально значимого и спорного проекта тираж невелик, ведь совсем недавно объемы исчислялись десятками тысяч, а в далекие теперь советские времена – и вовсе миллионами. Но – книга перед вами. И тема легализации гражданского оружия, завсегдатой профильных форумов и интернет-дискуссий, получила отражение и на бумажных страницах. Книгу можно читать, обсуждать, спорить, а ведь именно в этом и состоит основная цель социальной фантастики: не призывать на баррикады, не требовать немедленного запрета, а... перенести дискуссию из области обличающих постов в обмен мнениями. И мнения эти – не сухие выкладки с цифрами жертв «Колумбайна» или количеством предотвращенных преступлений, а с яркой картинкой будущего, которую каждый может представить, столкнуть у себя в голове полярные мнения и выбрать: что же все-таки ему больше подходит.

Книга все еще может удивлять, она заставляет негодовать и спорить, обсуждать. И не только в кулуарных дискуссиях в интернет-сообществах: книга, ставшая событием, вызывает немедленную реакцию со стороны федеральных и оппозиционных СМИ, а значит... наш сборник выполняет свою работу. После недавних событий в Керчи вопрос легализации из чисто теоретического стал и для нашей страны насущным и крайне болезненным. Доводы обеих сторон известны, но насколько аргументы воспринимает рядовой обыватель, далекий от стандартов самообороны, оружейного сейфа на кухне или страшилок про идеологию «Колумбайна»?

Любую дискуссию о спорной миссии социальной фантастики закрывает простой довод: что вызвало массовые антивоенные протесты по обеим сторонам океана в 60–70-х годах? Скупные и малопонятные выкладки ученых о ядерной зиме или целый ряд сильнейших постапокалиптических книг и фильмов?

Поэтому сообщество «Литературные проекты» продолжает верить в миссию книги. Пусть упали тиражи, пусть на издание приходится предварительно собирать читательские средства. Ничего. Зато каждый раз мы чувствуем поддержку любителей жанра, а это, скажу вам, дорогого стоит.

Спасибо за ваше доверие, уважаемые читатели, и до встречи – на страницах новых проектов!

Сергей Чекмаев, составитель, сообщество «Литературные проекты»

Наше движение внимательно следит за мировой динамикой по регулированию вопроса гражданского оружия, и здесь наблюдается чёткая тенденция по «раскручиванию гаек», по крайней мере там, где существуют механизмы демократической конкуренции. Самый яркий пример – опыт США, где за последние десятилетия произошли радикальные положительные изменения в абсолютном большинстве штатов. И это несмотря на истерики в СМИ, связанные с соответствующей когнитивной ошибкой – бытовое, нормальное использование тех или иных предметов не вызывает резонанса в прессе, до журналистов не доходят десятки и сотни тысяч случаев успешной самообороны (в абсолютном большинстве из которых дело и вовсе до стрельбы не доходит), зато каждый негативный массовый эксцесс с оружием, на общую статистику в общем-то слабо влияющий, вызывает всеобщие приступы алармизма. Тот же самый феномен наблюдается в авиационных перевозках, хотя их, к счастью, пока не догадываются запрещать.

Учитывая это, мы не боимся дискуссии по тематике гражданского оружия на любом уровне, в том числе, конечно же, и на высших материях литературных концепций в фантастике. Чем больше интеллектуальных усилий по этой теме будет предпринято, тем скорее утвердится наша правота, так же, как исследования и обсуждения в сфере здравоохранения приводят к продвижению доказательной медицины.

Общественное движение «Право на оружие» (ongun.center)

За: Оружие объединяет и защищает

Дзыговбродский Дмитрий Шарапов и дрель

В деревне было двести пятьдесят мужиков, почти полтысячи баб с детишками, три сотни ружей. И Михалыч.

До райцентра можно было добраться часов за восемь по реке. Что зимой по льду на снегоходе, что летом по извилистой глади таежной речки на лодке. Дорога давно уже осталась исключительно в памяти старожилов. Как закрылся леспромхоз, надобность в ней отпала. Вышка сотовой связи, установленная где-то между деревней и райцентром, накрылась года три назад. И найти базовую станцию ремонтная бригада так и не смогла. Вначале искали вышку, а потом потерялась сама бригада. Пока искали бригаду, забыли о вышке. Так все и осталось.

Потому новости доходили неспешно, со скрипом. Но обстоятельно. Если дошли, то как кедровой шишкой по темени.

Старожилы говорили, что тысяча девятьсот семнадцатый год тут дружно и мирно прозевали. Только в двадцать первом что-то там докатилось. О девяносто первом узнали через год с небольшим. А девяносто третий вообще не заметили.

Все было как всегда. И ничего не менялось.

Вот только Михалыч появился.

Участковый Володя Шарапов как раз прогуливался по обрывистому берегу речки, где детвора занималась чем-то очень важным, сгрудившись вокруг старого ведра. Из толпы юных деревенских жителей доносилось увлеченное сопение, тихие переругивания «Дай я! Да ты не умеешь!» и звонкие удары по металлу.

– А ну-ка, раз-зойдись! – негромко скомандовал Шарапов. И протиснулся к многострадальному ведру.

Два пацаненка – острые, красные от мороза носы еле выглядывали из пушистых шапок, варежки сброшены для удобства и лапки покраснели от мороза и снега – художественно доробатывали старое цинковое ведро. Из всех инструментов у них был только гвоздь-«двухсотка» да толстый обрубок доски.

– Что задумали, сознавайтесь?

– Дядь Вова, да мы это, хотим горку сделать...

– Ага, водой залить, – подхватил второй.

– Таскать воду замучались. Вот дырки делаем, чтобы этого вот равномерно... воду распределять. Как лейкой!

Участковый рассмеялся:

– А как воду донесете с дырками-то в ведре, чертенята?

– А у нас второе ведро есть. Санька с своими будет одним ведром сюда воду тягать, а мы будем склон заливать.

Шарапов усмехнулся в усы. Подумал было устроить пацанятам урок, как правильно ледяную горку делать – и что для этого совсем необязательно дырявить ведро. Но потом решил не портить детворе удовольствие. Сами придумали, сами сделали – а насколько это удобно, да какая разница. Вот как у них глаза блестят.

Разве что помочь немного можно.

– Давно делаете? – поинтересовался участковый.

– Да уже полчаса долбемся, – пробурчал кто-то сбоку.

– И как?

В ответ угрюмое молчание. Исцарапанное дно ведра говорило само за себя.

– Ладно, – улыбнулся Шарапов. – Дай-ка я чутка помогу.

Подхватил ведро, понес его к ближайшей мощной сосне, прислонил к стволу и основательно набил вокруг снега. Утоптал, чтобы ведро не улетело по склону.

– А теперь все дружно убежали во-он за тот пригорок. И чтобы я даже шапок не видел. Брысь!

Ребятня гурьбой побежала исполнять приказ. Шарапова они боялись и любили. Одновременно. Он один-единственный в деревне мог дать ремня, кроме самих родителей. А те ему за это еще и спасибо говорили. Что не проглядел дурусти малолетнего чадушки – как к родному отнесся, научил уму-разуму, уберег и проследил. Не только добрым словом, но и длинным служебным ремнем. Впрочем, сам Шарапов к таким методам прибегал редко. Доброе слово ему больше нравилось – более характеру соответствовало. Да и ребятня чаще всего шалила легко и по-доброму, практически без серьезных последствий. То ли места такие, то ли люди, то ли возраст.

Шарапова отправили сюда десять лет назад в наказание – за слишком строгие принципы, не сочетающиеся с работой в столичном регионе. Жена сразу отказалась от роли декабристки и за неделю до отъезда перебралась к бывшему однокласснику, который стал стартапером, майнил биткойны и сразу повез отдыхать в Пхукет. Шарапов погрузился в этой глуши месяца три. Даже запить пытался, но неудачно. А потом ему понравилось – и место, и люди, и новая работа. И высочайшее разрешение покинуть место ссылки, которое пришло на его имя два года назад, отверг не задумываясь.

Тут были особые места. Хорошие люди тут задерживались. Плохие не приживались. Пустые проезжали мимо. Даже Михалыч, казалось бы, ему-то что тут долго быть-поживать, а все равно обжился прочно и обстоятельно.

Когда Шарапов убедился, что юные башибузуки попрятались и даже не пытаются подсматривать, легко вскинул руку и выдал один пристрелочный. А когда убедился, что ведро стоит надежно и укатываться не собирается, дал четыре «флешки» по два выстрела почти без паузы. Подумал еще, как бы Михалыч не заинтересовался. А то еще придет проверять – объясняй ему на пальцах, что Шарапов нарушил все мыслимые инструкции, и вроде бы так нельзя, но тут это можно. Да и малышне веселее будет. Михалыч-то поймет. Он всегда понимает. А в последнее время все лучше и лучше.

И только участковый собрался торжественно передать технично продырявленное ведро детворе, как из-за лесистого поворота, по льду речушки на двух снегоходах появились гости.

– Н-да, – пробормотал Володя Шарапов. – Не ждали, не гадали. Только бы и вправду Михалыч не пришел.

В «Боржч», единственный бар-ресторан на всю деревню, а по совместительству еще и продуктовый магазин, набилось человек пятьдесят. Таким табором даже на свадьбы тут не собирались. По идее, можно было бы и семьдесят впихнуть, если часть гостей по стенам развесить. Слишком много народу в одном месте – явный повод, чтобы кому-то стало скучно. А где скучно, там в шутку кто-то кого-то толкнет. А там и затрещина. В общем, по итогам пойдешь разберись, кто кого и зачем. Зато потом всем стыдно.

Втиснуться в большой зал больше ни у кого не получалось, и потому еще человек сорок бродили на улице от большого любопытства. Не каждый день в деревню прикатывают столичные гости – торговый агент концерна «Калашников» в лыжном комбинезоне, батюшка в толстой шубе и с золотой цепью под ней, прям как дуб у Александра Сергеевича, сотрудник полиции в зимнем камуфляже и блондинистая сотрудница банка с муфточкой, в пушистой меховой

шапочке, в белой шубке и в сапожках на шпильках. Кордебалет внешнего мира с неведомой программой.

Владелец магазина-ресторана Кирилл Панов, программист и бизнес-тренер, лет пять назад сбежавший из столицы от, как он утверждал, «вейпов, сигвеев и геев», быстро навел порядок, вывел на улицу с десятков самых шумных и любопытных – и тем самым освободил для гостей свободный пятачок за одним из столов. И Панов, и Шарапов по известным причинам крепко не любили стартаперов, биткойны и нетрадиционно сексуально ориентированных – потому сразу нашли общий язык и крепко сдружились. И не раз уже друг друга выручали.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – Кирилл сам и разбил лед молчания.

Он-то понимал, что гости немного оробели после мороза, а заодно от активного местного любопытства. Бородатые, крепкие мужики, весело переглядывающиеся и вполголоса спорящие, подмигивающие зардевшейся от смущения финансовочке да обступившие со всех сторон. Не так уж часто в деревню, у которой и названия-то не осталось, навещали гости. Нет, во внешний мир местные регулярно выбирались – кто поторговать добычей с охоты и рыбалки, кто на вахте поработать в местах дальних, кто «диким гусем» по миру полетать. А вот внешний мир заглядывал сюда редко. Обычная российская глубинка, совсем-совсем глубинка – которая не менялась десятилетиями, а порой и столетиями.

Незнакомый полицейский, гладко выбритый, в отличие от стоящего неподалеку участкового Шарапова, натужно откашлялся и начал:

– Господа...

Из толпы слаженным хором голосов в пять-шесть:

– Мы всех господ в семнадцатом. Тут только товарищи остались.

В задних рядах отчетливо хохотнули. Батюшка, раскрасневшийся с мороза, поперхнулся и еще больше побагровел. Шарапов засмутился и укоризненно глянул на расшалившуюся галерку. И тут же наступила внимательная тишина. Участкового не то чтобы боялись, но уважали и любили. А тут видно, что человеку неудобно, начальство приехало.

– Позвольте представиться. Майор Сердюков Эдуард Анатольевич. Это сотрудник концерна «Калашников» Егор Пугачев. Отец Николай. И специалист по потребительским кредитам Рита... Маргарита Корнилова. Граждане, как вы знаете, правительство Российской Федерации, учитывая высокую гражданскую сознательность населения и столь же высокое гражданское мужество, в августе сего года приняло решение легализовать хранение и ношение короткоствольного оружия среди широких слоев населения. Соответствующие изменения были внесены в закон «Об оружии»...

– А зачем? – искренне поинтересовался Федор Устинов, заядлый охотник, отвоевавший лет пятнадцать в самых разных краях земного шара и вернувшийся домой года три назад.

– Ну... – сбился полицейский.

Тут подскочил, словно наскипидаренный барсук, торговый представитель «Калашникова» Пугачев и заученно затараторил:

– Общественная концепция «Мой дом – моя крепость» была нами расширена до «Моя улица – моя крепость», и теперь вы можете не только хранить короткоствольное оружие дома, но также носить с собой. Теперь можно применять личное оружие не только при защите своего жилища, но и для самозащиты на улице. Это принципиальный момент! Наша страна к этому очень долго шла. Учли исторический опыт США и Израиля, а также новейший опыт Конго, Украины, Нигерии, Габона и ряда других стран, в которых в последние десять лет была реализована точно такая же инициатива. Наш концерн готов обеспечить всех граждан Российской Федерации удобными, простыми и надежными...

– И зачем? – опять не выдержал Устинов, удерживаясь в рамках вежливой дискуссии. Вокруг него мужики одобрительно загудели. По традиции любая инициатива центра заканчивалась чем-то странным. Потому этот неожиданный аттракцион невиданной щедрости понима-

ния не встретил. Тут привыкли полагаться на себя. А не на что-то там мифическое, находящееся за пару тысяч километров, где, по меткому выражению Панова, одни «смузи, бьютиблогеры и трансгендеры».

Упавшее официальное знамя снова подхватил представитель власти Сердюков:

– Было принято решение вводить в легальный оборот короткоствольное оружие плавно. Вначале мастерам спорта по стрельбе, затем охотникам со стажем. И вот ваш населенный пункт в регионе давно славится умением охотников и высоким уровнем правопорядка. Администрация края оказала вашей деревне самое высокое доверие. Потому было принято решение вас...

– Обилетить первыми, – опять не сдержался Устинов. По толпе пробежали смешки.

В середине толпы кто-то басом поддержал:

– Кто возьмет «пээмов» пачку – тот получит водокачку.

И тут же подхватили соседи:

– Если не будем покупать, отключат газ.

– И свет.

– И воздух.

– У нас не «макаровы», – возмущенно и даже немного обиженно воскликнул Егор Пугачев, – у нас «глоки» семнадцатые, всемирно признанные, изготовленные по лицензии, адаптированные к российскому климату и традициям...

Народ беззлобно зубоскалил и расходился. Представление оказалось скучным. Гости притащили, наверное, самое бесполезное, что только можно было придумать в этих краях. Это Шарапов ходил с табельным ПМ, ворон пугал да ошалелых зайцев отстреливал. К слову, за это охотники его отдельно уважали – это ж надо уметь из пистолета зайца отловить. Или белку. Или ворону. Но Шарапову по службе было положено с «макаровым» – больше никто такими извращениями не страдал.

Вслед разбредающим местным еще что-то тараторил торговый агент «Калашникова», даже батюшка отогрелся и что-то вещал басом. Но их уже не слушали. Разве что на Риту обращались и одобрительно поглядывали. Тут ценили красивых девушек. И то, как она смущенно краснела раз за разом, вызывало у мужиков отеческое и ласковое одобрение.

Низкое зимнее солнце, с трудом поднявшись над лесом, неумолимо скатывалось за горизонт. Небо расцвелили золотисто-оранжевые ленты облаков. Часы грозились двумя часами пополудни. Наступали долгие зимние вечер и ночь – и народу нужно было много чего еще успеть.

Приезжими занялся Шарапов. Выделил им «гостевую избу». И хоть гости были очень редким, почти невероятным явлением, отдельный дом всегда отапливался и содержался в чистоте. А то всякое бывало. То поругается кто с женой и на пару дней уйдет в обиду и самоволку. То Михалыч притопает со своей дальней заимки погреться вдоволь. Не все ж ему в тайге сидеть.

А теперь и для дорогих гостей из центра дом сгодился.

Вечером в «Боржче» опять было многолюдно. Кто-то приходил, уходил, возвращался, выпивал чуток на баре. Плавно перемешивались сплетни, последние новости, вопросы и соображения. Мужики чуяли, что просто так пришлые не уйдут. Не зря они столько километров отмахали по льду речушки. Чтобы добраться в деревню, требовалось немалое упорство. Ну, или упоротость, чего тоже никто не исключал.

Незаметно и тихо, несмотря на габариты, зашел Михалыч, присел у стены на свое любимое место. В самом углу, где света поменьше, зато весь зал виден. Потеря спиной и затих, греясь и чуть порывкая от удовольствия. Кирилл отправил ему фирменное блюдо – котелок тушеной картошки со свиной и укропом по-иловайски, плоскую хрустящих черных груздочков и пару ломтей хлеба. Крепкого не предложил – Михалыч не одобрял.

Володя Шарапов разместил с грехом пополам гостей, поручил соседям растопить приезжим баню на вечер. А сам пришел пообедать – с этим неожиданным визитом он не то что про обед, он про завтрак забыл. Заодно планировал отловить Михалыча и как-то попробовать втолковать, что надо бы схорониться от пришлых. Зная его характер и привычку пошутить, Шарапов решил сразу разделить карбид и воду. Ну, или калий и воду. Одно отдельно от другого. Шум получится, конечно, изрядный. И народ повеселится. Но ему эти проблемы зачем?

Постепенно вечер зашел в привычную колею. Так как спутниковое телевидение и спутниковый интернет были только в «Боржче», сюда собирались различные компании по интересам. Сергей Волков опять кошмарил с планшета столичных историков на профильных форумах по теме «ургийн бичиг» и ловил на детских ошибках по периоду правления Угэдэя. Ему это никогда не наскучивало. Разве что иногда переключался на чуть менее любимую тему криптомикенской культуры.

Братья Бенедиктовы в четыре руки да с двух ноутбуков гоняли в хвост и гриву американских математиков на форуме «ScientificAmerican», подбрасывая им возможные решения гипотез Гольдбаха и Лежандра. Сегодня от скуки они устроили жаркую математическую титаноматию, утверждая, что Эндрю Уайлс – ламер, и теорему Ферма еще доказывать и доказывать. Вокруг них собралось с десятков болельщиков, советующих «давить янкесам янки».

За несколькими столами просто играли в шахматы. Большинство болтало обо всем и ни о чем, как и в прочие зимние долгие вечера.

Никто даже и не ожидал, что утренние гости решат устроить второй заход представления.

Шарапов только встревоженно завертел головой, выискивая Михалыча, чтобы увести его до того, как новенькие привлекут его внимание. Но Михалыч уже куда-то утопал – то ли в гости к знакомым, то ли обратно в тайгу.

В авангарде шел батюшка. Полные щеки его красил легкий вечерний морозец, уверенность в благой миссии и ощущение собственной значимости. За ним плелся Егор Пугачев, он же торговый агент оружейного концерна «Калашников», с двумя увесистыми пластиковыми чемоданами. Майор Сердюков шествовал налегке. Парад замыкала, окончательно засмущавшаяся и от этого выглядевшая особенно мило, специалист по потребительским кредитам Маргарита. Все внимание зала сразу же сконцентрировалось на ней. А батюшку и прочих двоих организованно проигнорировали. Даже партии в шахматы резко прекратились – ибо гостя из прекрасного далека была дивно как хороша. Как полевой цветок – тоненькая, хрупкая, светленькая и на каблукках. Шарапову подумалось, что Сергей Александрович в такой ситуации точно бы сказал: «Поступь нежная, легкий стан, если б знала ты сердцем упорным, как умеет любить хулиган, как умеет он быть покорным». И добавил бы что-то еще вроде «У меня на сердце без тебя метель». А местные мужики – поэты, историки, математики, охотники и редкостные раздолбаи – ценили красоту. Тайга, глушь и Россия вообще способствуют мыслям о прекрасном.

Но волшебство момента недолго продержалось. Деловито очистив пару столов от шахматных досок, ноутбуков и прочей мелочевки, представитель «Калашникова» Пугачев и сотрудник силовых ведомств Сердюков разместили на них чемоданы, отстегнули замки и превратили поклажу в своего рода стенды, на которых пачками крепились то ли сертификаты, то ли свидетельства в павлиньей расцветке и сверкающие голограммами. Рядом с ними крепились пластиковые карточки поменьше – ровно с такой же расцветкой.

– А говорили, что Новый год уже прошел, – добродушно пробурчали у стойки бара.

– Говорили, что и цирк уехал, – тут же отозвался кто-то.

Представитель оружейного концерна не стал выдерживать драматическую паузу и сразу же попробовал цепко ухватить внимание аудитории:

– Прямо здесь и сейчас вы сможете стать обладателем сертификата на получение личного короткоствольного оружия. Пожизненная гарантия. Три магазина и пятьсот патронов калибра

девять на девятнадцать в подарок. Всего за тридцать тысяч рублей. Благословение и освящение оружия входит в стоимость....

– Погоди минутку, – прервал его Борис Ядренников, крепкий, приземистый мужик с постоянной хитринкой во взгляде и словах. Он держал две пасеки и промышлял рыбной ловлей в особо крупных масштабах. Потому часто бывал в райцентре и умел вовремя остановить неудержимый рекламный поток городских. – А если без благословения и освящения?

– Не благословляю! – моментально вмешался батюшка.

– Это ладно, – отмахнулся Борис. – Нет так нет. Я как раз об этом и говорю. Предпочитаю без допусслуг. Только классика.

– Не благословляю! – батюшка поднял палец вверх. То ли на высшие силы указывал, то ли на игральные карты, которыми владелец «Боржча» украсил потолок. Над батюшкой как раз расположились червовая тройка, пиковая семерка и бубновый туз. – У нас Россия какая?

Народ стушевался. Вопрос оказался очень широким и философским. Из толпы донеслись несколько вариантов «большая», «великая», «щедрая», «бескрайняя». Кто-то даже запел «Поле, русское поле...».

Батюшка вслед за пальцем возвел вверх взгляд и с придыханием добавил:

– Россия у нас православная!

– Минуточку, – вперед выступил владелец заведения. Кирилл Панов поставил на бар пивной бокал, который задумчиво протирал последние пару минут, подошел поближе к оружейной делегации. – Если мне не изменяет память, то статья четырнадцатая Конституции Российской Федерации гласит, что Российская Федерация – светское государство. И никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

– Так это когда было? – возмущенно прогудел батюшка. – Конституцию уже два года как поменяли. Теперь государство наше православное. И оружие надо освящать. Как и автомобили, недвижимость и бытовую технику. И особенно покупки в зарубежных интернет-магазинах – эти по двойному тарифу.

Кирилл ошарашенно вытаращился на батюшку. Ухватил планшет у Волкова и полез в Сеть. В помещении бара-ресторана и по совместительству продуктового магазина наступила гнетущая тишина. На экране большого плазменного телевизора игроки Ямайки беззвучно и грустно бегали за игроками Аргентины по ослепительно зеленому полю.

– И вправду поменяли, – задумчиво прокомментировал Панов через пару минут. – И когда успели? Не следили мы, мужики, за политикой. И зря, похоже. Ну, продолжайте, отец Онуфрий, продолжайте...

– Отец Николай, чадо.

– Я так и понял, отец Онуфрий, вы не обращайте внимания. Оговорился. Слушаем вас.

– При одобрении епархии и администрации региона решено стоимость освящения и благословения снизить до десяти процентов от основной цены за продукт. Это выгодное предложение.

Тут вмешалась финансисточка:

– «Храмбанк» дает выгодный кредит... – В толпе раздались смешки, и на несколько секунд девчушка сбилась. Мужики изобразили крайне серьезные выражения лиц, чтобы не смущать Риту, и она после паузы продолжила. Но уже как-то неуверенно и тихо: – ...На двадцать четыре месяца. Двенадцать процентов годовых. Достаточно подписать договор...

Девушка помахала в воздухе одним из тех самых разноцветных листов, которыми были набиты чехомоданы-стенды:

– Кредит распространяется и на стоимость услуг по освящению и благословению. Прямо сейчас вы можете заключить с нами договор...

Тут под красноречивыми, скептическими взглядами она совсем затихла. Даже отступила на пару шагов.

– И получить на руки в райцентре современный и безотказный, произведенный по лицензии из российских комплектующих под присмотром западных специалистов «глок-семнадцатый». Лучший выбор для современного российского гражданина... – помог Рите торговый агент концерна «Калашников».

В это время очень задумчивый Панов пристроился за стойкой, ухватив со стены гитару. И что-то мрачно наигрывал, даже не поднимая взгляд на происходящее действо. Три минорных созвучия Em, затем Emsus4 и снова Em. И опять с ми-минора по кругу. Чувствовалось, что происходящее заставило Кирилла о чем-то основательно и глубоко задуматься.

Презентация как-то сама собой затихла. Все уже было сказано и показано. Но энтузиазма у местных не было ни на полущку. Скорее скука, еще более глубокая, чем во время утренней встречи. Пришлые никак не могли понять, что в этих краях и для этих людей товар, который пытались откровенно втюхать, да еще и под кредит, был попросту лишним, почти что бесполезным. Все равно что медведю летом рыбу и мед продавать. К тому же огорчало явное ощущение, что пытаются поймать в государственном масштабе и в обязательном порядке. А у местных нюх на подобное отношение был стопроцентный, помноженный на естественную недоверчивость деревенских к городским и жителей регионов к столичным.

Ситуация явно зашла в тупик. Мужикам просто по-душевному не хотелось посылать гостей прямо и грубо. А заморские купцы никак не могли понять, почему реакция на презентацию отличается от ожидаемой примерно так же, как реакция туриста, летевшего на Бали, но почему-то прилетевшего глубокой январской ночью в Сыктывкар.

Владелец помещения решительно отставил гитару, поднялся. И громко обратился к гостям:

– Спасибо вам за презентацию. Дело серьезное, обдумать надо.

Мужики согласно загудели – такой вариант разрешения странной ситуации всех устраивал. Вдруг городские к утру сами что сообразят.

И Кирилл продолжил:

– Баня для вас уже готова. Ужин вам доставят. Отдыхайте, гости, после дороги, отсыпайтесь. А завтра с утра, кто надумает, тот вас и найдет. До соседей мы новости ваши и предложения доведем. Спокойной ночи, отец Онуфрий.

– Я отец Николай...

– Вот и я о том же... Ужин за счет заведения. И доброй ночи.

Когда гости, немало обескураженные, наконец ушли, Кирилл поймал Володю Шарапова и строго спросил:

– Ты с Михалычем поговорил?

– Да я его поймать не могу.

– Поговори. Пусть Михалыч у себя отсидится. Не к добру они приехали, ой не к добру. Жили-были мы, никого не трогали. А теперь этих надо как-то так спровадить, чтобы они со своей электрификацией всей страны... в смысле, короткостроительством сюда более не лезли.

– Думаешь, не поймут, если просто поговорить? – тоскливо спросил Шарапов.

– Володь, я оттуда, ты оттуда. Откуда им понять? У них в голове ипотека, коучи, биткойны. Говорить не о чем. Они нас осчастливить приехали. А мы грустные и от счастья отказываемся.

– И то верно, – вздохнул Шарапов. – Пойду сову подстрелю. Малышня уже два дня просит чучело сделать в школьный театр.

– Доброй охоты.

Мужики восприняли последние новости не то что с тревогой, но с определенной задумчивостью. Большой мир неожиданно влез к ним – без спросу, еще и наследил в прихожей. Хорошо хоть стены похабными надписями не обрисовал. Местные посовещались и попросили Кирилла теперь включать телевизор не только во время спортивных матчей, но и во время

выпусков новостей. А то бесполезно не интересоваться политикой. Она сама к тебе придет – так лучше уж подготовиться. На возражения Кирилла, что по центральным каналам одни «перхоть, месячные и кариесы», коллективный разум мрачно ответил «надо». И Панову пришлось нехотя согласиться. Лучше заранее знать, что и как они там в столицах наменяли. Сегодня Конституцию подправят, завтра Землю плоской назовут, а после и законы Ньютона отменят. И потом скажут, что охоту без десятины не благословляют.

Тут недалеко за окном сухо щелкнул сдвоенный выстрел.

Все прислушались. Больше выстрелов не было.

– Шарапов? – спросил кто-то.

– Ага, – кивнул Панов. – Малышне сову пообещал добыть.

– Стрелок, – уважительно прогудели в толпе.

Утренней презентации так и не довелось случиться. Вечером Шарапов искал Михалыча – то на его аккуратной полянке в тайге, то по соседям и знакомым в деревне. Даже к реке выходил и звал. Знал, что иногда на Михалыча нападает чисто русская тоска – и тогда садится он под сосны на берегу и смотрит из-под мохнатых игольчатых лап на далекие звезды. Но этим вечером Михалыч как будто сквозь землю провалился. Наверное, не в духе был.

– Может, и впрямь решил не портить себе настроение причудами приезжих? Да и отправился на таежную прогулку? – сам себя спросил участковый. И сам себе поверил.

Как выяснилось, зря.

Шарапов как раз подходил к гостевому дому вместе с Раисой Ивановной Кириной – владелицей местного ателье, расположенного прямо у нее дома, закройщицей, портнихой, мастером и модельером. А еще такой певуньей, что ей впору было бы в столице аншлаги собирать. Да вот не захотела уезжать в Москву. Любовь на всю жизнь – выбрала судьбу офицерской жены. Зато быстро организовала местных девушек и женщин – и устраивала каждые выходные вечера самодеятельности.

Еще издавек Шарапов заметил, как в белоснежной шубке и розовых тапочках на босу ногу резво пробежала Рита к бане. Видимо, решила умыться с утра – хорошая идея, баня быстро не остывает. А уж как ее натопили вчера – так за ночь и половина тепла не ушла.

Раиса Ивановна на ходу ругала Шарапова, что баню истопили на совесть, да никто не подумал свежее постельное белье принести в дом.

– Мужики! Бестолочи! – фыркала пожилая, энергичная женщина. Шарапов как раз тащил сумки с постельным бельем и виновато выслушивал упреки. Спорить с Раисой Ивановной было бесполезно. Армавирская казачка никому спуска не давала. Ни своему мужу, заслуженному офицеру-танкисту, с которым объездила весь Союз. Ни мужикам помоложе. Ни Шарапову. Даже Михалычу доставалось – но он обычно сразу прятался.

Только участковый захотел вставить слово в непрекращающийся поток поучений и советов Раисы Ивановны, как все завертелось. Вначале из бани донесся пронзительный девичий визг. Он набирал обороты и децибелы секунд десять. Затем дверь бани распахнулась и на улицу выпорхнула Рита, как фея из сказки о Питере Пэне. Примерно в таком же наряде – только крылышек не хватало. Розовые пушистые тапочки, полотенце, прижатое к высокой груди, и кружевные трусики с розовыми цветочками. Роскошная светлая грива развевалась, девичий крик лился звонким ручейком. Хотя скорее уж горной речкой.

– Медведь в бане! Помогите! Медве-едь!

– Михалыч! – простонал Шарапов, бросаясь к девушке. Надеюсь успеть ее успокоить или хотя бы поймать.

Тут из бани – пришел погреться после таежной ночи – вывалился Михалыч. Два метра темно-бурой шерсти, черные глаза-пуговицы, короткие округлые ушки и белоснежные клыки в широкой улыбке.

Михалычу было весело. Все в деревне к нему давно уже привыкли – а вот с новенькими можно было почудить. Михалыч раскинул пошире лапы и задорно рывкнул. Но с места не двинулся – зачем девушку совсем уж пугать.

Для Риты это была последняя капля. Истошно завизжав, она прямо с пригорочка, на котором и стоял гостевой дом, минуя пять ступенек лестницы, бросилась под защиту остолбеневшего участкового. И стартовала девушка настолько по-олимпийски резво, что всем телом просто влипла в Шарапова, преобольно влетела лбом ему в скулу и вцепилась руками, ногами и коготками в участкового, как весенняя ошалелая белочка в кедр.

Шарапов не выдержал такого эмоционального импульса, да и на кедр никак не походил. Потому увалился спиной в снег, только и успев, что надежно ухватить обеими руками кудрявую финансистку. А то и вправду улетит в снег да простудится – жалко же.

И тут картину испортил вначале отец Онуфрий, который выбежал из дверей дома, заверещал звонче Риты и упал в обморок. А затем майор Сердюков. У него хватило ума выхватить табельное оружие и высадить с перепугу в Михалыча патронов пять. Большого ему Шарапов позволить не мог. Совершив героическое усилие и высвободив одну руку из цепких объятий Риты, участковый технично отработал целым магазином из «макарова» в крышу дома. И широкий, тяжелый пласт снега небольшой лавиной рухнул на отца Онуфрия с Сердюковым, завалив их начисто.

И наступила тишина.

Казалось, что она длилась вечность.

Шарапов смотрел на небо сквозь пушистые завитки Риты, думал, что надо отнести девушку в дом, пока не замерзла. Но боялся встать и посмотреть на Михалыча – понимал, что если Сердюков по дури своей городской его убил, то не выдержит и прибьет полицейского. Да и любой из деревни прибьет. Не зря они всем народом Михалыча вытаскивали с того света, выхаживали, как могли, больше по наитию, чем по знанию – после того, как он раненый-перераненый, ломаный-переломанный приполз из глухой тайги. Поохотился кто-то вдоволь, поиздевался над зверем. Как раз перед этим губернаторские в деревню захаживали, консультировались, где в этих краях пострелять вдоволь зверье можно, чтобы поживописнее и побольше. Местные их вежливо послали. Но, видать, те не унялись.

Ну и пусть, что медведь. Зато мирный, да и понимает местных уж получше, чем столичная власть. И пусть зверь. Зато свой – а это на уровне кровного родства. И не важно, что морда нечеловечья. Не у всех чиновников в райцентре лица человеческие.

Тут опомнилась Раиса Ивановна:

– Лю-ю-ю-уди! Что же де-ется?! Михалыча уби-и-или! Убили!

И деревня встала на помощь. Одним движением, одним порывом. Как ледоход по весне – все как один. И мужики, и ребяташки, и бабы. Когда Шарапов встал на ноги и понес бережно Риту в дом... (Вот ведь глупая девчушка. Чего Михалыча бояться? Ну, вид медвежий. Ну, лапы длинные. Ну, пасть зубастая. Так не кусается же.) ...Кирилл Панов уже склонился над Михалычем и ощупывал его жесткую шкуру.

И лишь когда участковый услышал стонущий рев мохнатого друга, сразу полегчало на душе. Если живой, значит, все нормально. Михалыч живучий. Пробираясь через высоченный сугроб на крыльце, Шарапов аккуратно пнул в челюсть Сердюкова. Не удержался. И еще более аккуратно, как букет с тонкими и нежными полевыми ромашками, пронес Риту через весь дом, уложил на диван, укрыв пледом и сказал:

– Не надо бояться Михалыча. Он добрый, он свой. Ты отдохни пока, милая, я скоро вернусь. Все будет хорошо.

И ушел, чувствуя, как его согревает уже не перепуганный, но удивленный и даже чуть восхищенный девичий взгляд.

На крыльце Шарапов взял вначале за шкурку отца Онуфрия, вытащил из сугроба, встряхнул и прислонил к стеночке. Затем ту же самую операцию провел с майором Сердюковым, только перед этим пистолет отобрал и подальше выбросил. А затем оглянулся, недобро улыбнулся и проникновенно сказал:

– Смотри, майор... Смотри и запоминай.

На крик Раисы Ивановны собралась если и не совсем вся деревня, то точно большая ее часть. И так как мужики слышали, что кого-то убивают, то пришли во всеоружии. «Мосинки», двенадцатые «вепри», «тулки», пятьдесят восьмые «ижи», у кого-то даже «сайга» четыреста десятая, у многих СКС. Впереди стоял Федор Устинов, любитель экзотики, с СВТ. Жители деревни смотрели мрачно и серьезно. Только что пытались убить одного из них. А значит, шутки кончились. И пофиг, что у Михалыча не особо вид человеческий. Он свой. И точка.

– Кирилл, что там? – не отрывая взгляда от осознавшего и побледневшего до синевы Сердюкова, негромко крикнул Шарапов.

– Все путем, лейтенант. Михалычу повезло. Этот столичный поц даже стрелять нормально не умеет. Одна в плечо, одна цепанула по ребрам. Жить будет.

– Слышал, дурак? – спросил Шарапов и встряхнул Сердюкова так, что у того зубы цокнули. – Везучий ты. Косорукий и везучий. А теперь посмотри вокруг и задумайся – нужны нам тут твои короткоствольные пукалки по лицензии и кредиту или нет. Мы можем разве что твой «глок» тебе протвоестественно засунуть и повернуть, чтобы след от мушки навеки прочертил у тебя в извилинах самое главное правило стрелка. Думай, куда и в кого стреляешь. А только потом стреляй.

Подумал и добавил:

– Вы у себя там легализуйте что угодно и сколько угодно. У нас давно уже все есть – официально и по закону. И большего нам не надо. И вас нам тут тоже не надо.

Провожали гостей так же дружно, всей деревней. Чтобы сохранить солидность момента, точно так же при оружии. Шарапов провел краткий инструктаж Сердюкову, чтобы тот окончательно понял, что можно, а что нельзя писать в рапорте. И что будет, если он в чем-то ошибется – случайно или намеренно.

Рядом обиженно поревывал Михалыч – бинты на нем смотрелись немного смешно. Все равно что старый дуб блестящим новогодним «дождиком» обмотать.

Усадили на снегоходы Сердюкова, представителя концерна «Калашникова» и отца Онуфрия – тот уже даже не пробовал исправлять на Николая, покорно соглашался на Онуфрия. И провожали улыбками и многостволием, пока два снегохода в снежной, искрящейся пыли не канули за поворотом речки.

– Думаешь, не вернутся? – недоверчиво спросил Панов.

– Нет, – убежденно ответил Шарапов. – Что они расскажут? Что на них напал тут медведь, его защищали всей деревней, а они сами бросили в поселке диких охотников и таежных отморозков молодую девушку?

Рита прижалась к его руке. Стояла тихо и скромно – слушала. Только краснела каждый раз, когда местные подходили раз за разом, здоровались, поздравляли и добродушно приветствовали «Добро пожаловать!». Хорошие люди тут всегда остаются. Плохие уходят.

Сапожки на шпильке специалист по потребительским кредитам уже сменила на удобные валенки. И не отходила ни на шаг от Шарапова. Только иногда жалостливо касалась лица участкового кончиками пальцев и тяжело вздыхала. Красиво прыгнула в объятия – ничего не скажешь. Теперь у Шарапова расплывался здоровенный фингал, создающий ему эдакий заливчатый разбойничий вид.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов, – не выдержал Панов. Рядом зауהל Михалыч. Медведь опасно придерживал лапой повязку на раненом боку. Рита еще больше покраснела.

– Дядь Володь, а дядь Володь, а сбейте во-он ту ворону! – малышня, шмыгая носами, подобралась озорной толпой к участковому и направила к нему двух самых смелых парламентаров.

– Я ж вчера вам сову сбил! Ворона-то вам зачем?

– Так сова нам для театра. А ворона для кабинета биологии. Учительница дала задание чучело сделать.

– Закрой уши, милая, – обратился Шарапов к Рите. Девушка умилительно зажмурила глаза. Залезла под меховую шапку ладошками и закрыла уши.

– Дядь Вов, а дядь Вов, а почему вы, как папка, с ружьем не ходите?

– Потому что ПМ – это компактная дрель для дистанционного создания отверстий в различных материалах, иногда в воронах. Когда у всех настоящее оружие, кому-то и с дрелью ходить надо. Для разнообразия и вселенского равновесия.

Бах!

– Ура-а-а! Васька, тащи ворону в школу.

Откуда-то из-за спины донеслось уважительное:

– Стрелок.

И одобрительно заворчал Михалыч.

Вадим Панов

Сражаться

Один километр и двести метров – такая высота считается идеальной для классического MRB¹: триста стандартных жилых уровней и двадцать технических, более высоких, на которых располагались служебные помещения, в том числе – станции «надземки», и развлекательные: театры, рестораны, зимние сады, аквапарки, торговые центры, в общем, все, что нужно для жизни ста пятидесяти тысяч человек, многие из которых никогда в жизни не покидали свой высоченный дом.

Один километр и двести метров.

Романтик мог подумать, что с такой высоты из панорамных окон общественных зон наверняка открывается великолепный вид, однако его великолепие полностью зависело от расположения здания: из окон MRB внешнего радиуса действительно можно было насладиться ощущением простора, особенно в безоблачные дни, но «Nirvana» торчал в центре жилой зоны «Бугры» на северной окраине блестящего Санкт-Петербурга и показывал своим обитателям только соседние MRB: такие же серые, прямоугольные и безликие, как он сам.

И как большинство его обитателей.

– Здесь никогда ничего не изменится, – вздохнула Фея, грустно разглядывая знакомую до тошноты стену соседнего MRB.

– Нигде ничего не меняется, – в тон ей ответил Андрей.

– Плохо.

– Почему?

– Не хочу умереть, глядя на серую стену.

Для двенадцатилетней девочки фраза получилась чересчур взрослой, но Лорис, которую все называли Феей, уже потеряла отца и смотрела на жизнь без лишних иллюзий. В отличие от матери, которая до сих пор верила, что неопишуемая красота девочки: голубые глаза, пухлые губы, маленький носик и натуральные светлые кудри – поможет ей отыскать принца. Ну, или хотя бы устроиться в жизни.

Мать верила, поскольку ничего другого ей не оставалось. А Фея знала, что в прекрасного принца лучше не верить – чтобы разочарование оказалось не таким сильным...

– Ты хотел бы уехать? – спросила она, по-прежнему глядя в окно.

– Далеко? – поинтересовался Андрей.

– Куда угодно.

– Думаешь, там живут не так, как здесь?

– Наверняка на Земле есть место, где живут не так, как здесь. И не так, как везде.

– А как?

На этот вопрос у Феи ответа не нашлось. Девочка знала, «как здесь», ей не нравилось «как здесь», она очень хотела думать, что существуют места, жизнь в которых течет совсем иначе, но как именно – она сказать не могла, и потому терялась.

Справедливо, наверное...

– Ты очень похожа на мать, – вдруг сказал Андрей.

– Чем? – удивилась Лорис.

– Тоже веришь.

– Да, это так, – помолчав, признала девочка. – Но это еще не вера...

– А что?

¹ Multipurpose Residential Building – стандартный жилой комплекс мегаполисов.

– Надежда.

– В чем разница?

– В том, что у меня еще есть время, я только начинаю жить и надеюсь пройти по дороге, – она вздохнула. – Потом, когда время утечет, у меня останется лишь вера.

Они сидели на одной из лавочек общественного парка сто тридцать первого уровня, сидели рядом, касаясь друг друга плечами, не обнимаясь – они никогда не обнимались на людях, но чувствуя тепло – этого было достаточно. Они знали друг друга с детства и мечтали прожить жизнь вместе.

Надеялись.

Но не особенно верили.

– Если мы уйдем из MRB, то останемся совсем одни, – вздохнул Андрей. – Нас некому будет защитить.

– Можно подумать, сейчас мы в безопасности, – обронила Фея.

– Можно рассчитывать на помощь родителей...

– Нельзя, – перебила его девочка. – Твой отец никого не способен защитить.

– Он умеет договариваться, – насупился Андрей.

Насупился, потому что знал, что Лорис права.

– Принимать чужие условия – это не значит уметь договариваться.

– Нас не трогают, – напомнил мальчик.

– Пока не трогают, – уточнила Фея. – Но он не сможет защищать нас вечно, и скоро забудет, что мой отец был его другом.

Андрей наконец-то понял, что подруга чем-то взволнована, повернулся и посмотрел ей в глаза:

– Что-то случилось?

– Нет, – Лорис улыбнулась, а затем вдруг прижалась к нему и обняла руками за шею. – Ничего не случилось, все хорошо...

Укрыться? Спрятаться? Организовать себе личное пространство?

В современном мире это роскошь, ведь где бы ты ни находился, в какой бы угол ни забился, ты все равно окажешься под прицелом следящих камер: стационарных и установленных на дронах, на робомобилях, на полицейской форме, в smartverre² прохожих – всюду. Камеры смотрят на мир триллионами никогда не спящих глаз, и благодаря им система способна заглянуть куда угодно. Прочитать не только твое лицо, но и эмоции, и если ты будешь недостаточно funny – не продемонстрируешь радость, – система возьмет тебя на заметку.

Потому что ты уже давно не человек, а метка на мониторе.

Но даже такую систему можно обмануть: не подключай genID³, пользуйся только взломанным smartverre и обязательно используй устройство динамического смещения локального изображения – генератор помех, не позволяющий системе идентифицировать метку на мониторе и маскирующий свою работу под случайный сбой.

Ли Хаожень знал правила уклонения, применял их все, легко взламывал базы данных и умел стирать свои следы, но сейчас он влип. Серьезно влип. Сейчас за ним шли отличные охотники, и Ли не уходил, а бежал. Как загнанная лошадь – весь в мыле и чувствуя за спиной дыхание волков. Ли планировал уйти из Санкт-Петербурга морем, но охотники отрезали китайца от порта, дорог и вокзалов, он с трудом вырвался из центра на старинном автомобиле с ручным управлением, понял, что выигрывает всего несколько минут, и позвонил человеку, которому полностью доверял.

² «Умные очки» – коммуникационное устройство, имеющее выход в сеть и связанное с вживленным во владельца чипом.

³ Идентификационный чип, подтвержденный ДНК владельца.

– Это я. На запасном smartverre.

– Вижу, – спокойно отозвался собеседник.

– У меня полторы или две минуты, потом сетевые роботы определяют этот звонок как подозрительный, – Хаожень выдержал коротенькую паузу. – За мной идет Фекри, сам не справлюсь, пожалуйста, вытащите меня.

– В настоящий момент это невозможно, – сухо ответил собеседник. – Фекри хочет тебя взять и ведет облаву предельно правильно. Он предусмотрел все, и если Манин высунется, его тут же вычислят и прикончат, а никому из нас это не нужно.

– Что же мне делать?

– Затаись. Тебе нужно протянуть примерно сутки, потом придет Джа и все уладит.

Ли тяжело вздохнул, но промолчал, чувствуя одновременно и радость, и разочарование: с одной стороны, Джа действительно все уладит, в этом не было никаких сомнений; с другой – его еще нужно дожидаться.

– Куда мне идти?

– Ты на машине? – перешел на деловой тон собеседник.

– Пока да.

– Ее знают?

– Будут знать, – тут же ответил китаец. – Минут через пять.

– Тогда брось машину, подземкой доберись до станции «Бугры» и отправляйся в MRB «Nirvana», уровень 93, зона А, капсула 408.

– Кто меня будет ждать?

– Никто, это «пустая» точка, без персонала. Я сброшу тебе схему «Nirvana» со всеми тайными ходами и нашими закладками – на всякий случай, но надеюсь, что ты изгадишь только капсулу.

– А как же система распознавания лиц?

– Манин уже работает, – успокоил Хаожень собеседник. – Через три-четыре минуты в «Nirvana» и нескольких соседних MRB возникнут проблемы с сетью, и местные ничего не смогут сделать.

– Долго продлятся проблемы?

– Пока не придет Джа.

– Спасибо, – с чувством произнес Ли.

– Когда все закончится – тогда и поблаговаришь.

– Он скрылся, – растерянно доложил Харт.

– Как?

– Исчез.

– Я не просил от тебя неочевидный синоним к слову «скрылся», – рявкнул Фекри. – Как это случилось?

Рявкнул так, что несчастный Харт, обеспечивающий техническое сопровождение группы, втянул голову в плечи, хотя находился не на питерской улице, рядом со специальным агентом Солом Фекри, а в одном из теплых кабинетов принадлежащего GS⁴ небоскреба «Lakhta Power».

– Куда он делся?

– Понятия не имею, – пробормотал Харт. – Он бросил машину в Озерках, спустился в подземку, а находясь в толпе, переоделся: снял куртку и надел кепку...

⁴ Global Service – всемирная служба безопасности, объединившая большинство из существовавших ранее государственных структур.

Вели же беглеца по одежде, поскольку лицо он скрывал устройством динамического смещения, и агенты до сих пор не знали, как выглядит неуловимый преступник. Харт понимал, что невиновен, но, зная вспыльчивый нрав Сола Фекри, поспешил добавить относительно хороших новостей.

– Подходящий по сложению мужчина, лицо которого тоже скрывало устройство динамического смещения, вышел на станции «Бугры». К сожалению, на площади мы его потеряли.

– Почему? – быстро спросил Фекри.

– В районе начались проблемы с сетью.

– Начались проблемы или кто-то устроил проблемы?

– Судя по всему, кто-то устроил, – вздохнул Харт. – Отыскать источник неприятностей не получается, система распознавания лиц не работает, и местные понятия не имеют, когда смогут ее запустить.

– На него работает ловкий компьютерщик, – пробормотал стоящий возле Сола Гаржо, и Фекри, поразмыслив, кивнул.

И сплюнул, показав, что настроение у него дерьмовое. Ведь он почти взял таинственного мушкетера в шикарном отеле «Мао» на Невском, выманив его на «деловые переговоры», устроил все в лучшем виде, но проклятый азиат то ли почуял засаду, то ли был предупрежден, и сумел ускользнуть от агентов самой мощной спецслужбы мира. Раздосадованный Фекри распорядился запустить протокол «Мышеловка», перекрыл город, но выигранных минут преступнику хватило, чтобы затаиться и, возможно, позвать кого-нибудь на помощь.

– У нас есть сутки, не больше, – угрюмо произнес Сол. – Если не возьмем мушкетера за это время, «Мышеловку» снимут, а объект сменит внешность и получит новые документы.

Гаржо и Харт промолчали.

– В скольких MRB не работает система распознавания лиц?

– В девяти.

– Черт! – не сдержался Гаржо. – Миллион с лишним рыл, почти три тысячи уровней... Мы не прочедем их и за неделю.

– Харт, попробуй сузить зону, – распорядился Фекри. – Проанализируй тех, кто входил в MRB в это время...

– Уже занимаюсь.

– А ты... – Сол повернулся к Гаржо. – Ты отправляйся в местную MS и договорись о поддержке. – Фекри выдержал короткую паузу: – Я же постараюсь убедить руководство не снимать «Мышеловку» хотя бы пару дней.

Таинственный азиат считался одним из главных мушкетеров Европы, и Сол очень, очень хотел его взять.

Из шести положенных светильников в коридоре работало два, а третий изредка моргал, включаясь и выключаясь лишь по одному ему известному графику. Еще здесь пахло чем-то кислым, как будто в какой-то капсуле готовили ужин из полуфабрикатов, разлили питательную смесь на горячую плиту и забыли деактивировать кислотным подавителем. А возможно, так оно и было. Вонь напомнила Хаожению родительский дом, и мушкетер поморщился, поскольку не любил вспоминать детство. Точнее, любил, но не ту дыру, в которой им пришлось выживать.

В ней тоже воняло.

И бегали крысы.

И всем заправляли солдаты MS «Punisher», будь они прокляты...

Ли сделал так, как велел руководитель: оставил машину в Озерках, добрался до Бугров, ухитрившись сменить одежду в толпе и не привлекая к себе внимания, пробрался в нужный MRB. На лифте поднялся на уровень 111 в зону С, по пожарной лестнице спустился на 93 уровень, прошел в зону А, в которой воняло чем-то кислым, и остановился у обшарпанной двери

408 капсулы. Обшарпанной, но металлической, надежной. Набрал цифровой код, приложил к датчику большой палец, услышал тихий щелчок – электронный замок принял и пароль, и отпечаток, хотел войти, но замер, услышав тихие шаги.

– Вы будете здесь жить?

Хаожень повернул голову и посмотрел на крепкого белобрысого мальчишку, замершего шагах в десяти слева. Пацан смотрел хоть и настороженно, но без враждебности, с любопытством, и Ли улыбнулся:

– Привет.

– Извините... – китаец мог дать голову на отсечение, что мальчишка смутился по-настоящему. – Добрый день.

Жаль, конечно, что не получилось просочиться в капсулу незаметно, но теперь ничего не изменишь, и нужно показать себя обычным человеком.

– Мы будем соседями? – легко поинтересовался Хаожень.

– Я из зоны С, – ответил парнишка. – Меня зовут Андрей.

– Очень приятно, а я – Ван, – Ли назвал именем, указанным в нынешнем комплекте документов.

– Очень приятно.

– Всех тут знаешь?

– Приходится, – вздохнул Андрей.

– Чтобы выжить? – со знанием дела осведомился китаец.

Но ошибся.

– Здесь безопасно, – качнул головой парнишка. – Намного лучше, чем в «Галиции», там бы вас еще в лифте ограбили и, возможно, убили.

– Почему ты думаешь, что меня не ограбили? – рассмеялся Хаожень.

Но Андрей не принял шутки и ответил очень серьезно:

– Потому что вы целы, – помолчал, и продолжил расспросы: – Вы не местный?

– Разве мало китайцев рождается в Питере? – поинтересовался Ли, недовольный тем, что с легкостью вычислил первый встреченный ребенок.

– Вы хорошо говорите по-английски, – объяснил парнишка. – Слишком хорошо для Санкт-Петербурга.

– Да, иногда я забываю коверкать слова на местный манер, – вздохнул Хаожень.

– Много путешествуете?

– Приходится.

– Вы – бандит? – осведомился Андрей. И прежде, чем Ли ответил, добавил: – Меня не смущает, тут многие побывали.

– Тут – в смысле в «Nirvana»?

– В этой капсуле.

«А ведь скажут – скажут! – что точка провалилась из-за меня, – подумал Хаожень. – Никто не поверит, что ее вычислил какой-то малец».

И негромко ответил:

– Я не бандит, но не хочу, чтобы обо мне знали.

– Нужно пересидеть? – прищурился парнишка.

– Ты очень внимательный.

– Несколько месяцев назад в этой капсуле прятался другой человек, – рассказал Андрей. – Бородатый и очень веселый. Он тоже не хотел, чтобы о нем знали, и я приносил ему еду.

– Бородатый и веселый? – переспросил Хаожень.

– Вы его знаете?

– Не уверен, – протянул китаец, хотя точно знал, что Джа во всех своих обличьях отличался веселым нравом и предпочитал, если это возможно, носить бороды.

– Ну, не знаете, значит, не знаете, – парнишка поправил smartverre. – Вам потребуются продукты?

– Еще не знаю, но сбрось мне свой номер на всякий случай, – Ли только сейчас сообразил, что у него нет с собой ни еды, ни воды. – Родители просматривают твой счет?

– Нет.

– Вот и хорошо, – улыбнулся китаец, переводя Андрею полсотни кредитов. – Это задаток.

– Спасибо! – парнишка повеселел. – Кстати, ваш бородатый и веселый друг оставил меня в живых.

– Потому что с тех пор он уже дважды сменил внешность, – объяснил Хаожень.

– Вы тоже смените?

– Обязательно.

– То есть, я могу не беспокоиться?

– Да, – Ли наконец-то открыл дверь. – Когда понадобится – позвоню.

– Договорились!

Андрей направился к лифтовому холлу, а китаец вошел в капсулу.

И увидел, в общем, то, что и ожидал: комната в двадцать квадратных метров, слева, в чулане, крошечный санузел: туалет и душ, за ним – кухня: холодильник, несколько полок, рабочий стол, плита, затем стена с окном, сейчас оно закрыто жалюзи, справа – диван и шкаф. У окна журнальный столик и два неудобных на вид кресла. Обычное убежище.

Ли бросил рюкзак на диван, открыл жалюзи, посмотрел на стену соседнего MRB, до которой, казалось, можно было дотянуться рукой, включил холодильник и проверил навесные полки, обнаружив три банки мясных консервов и металлическую банку с чаем.

«Никаких сомнений: тут жил Джа, – улыбнулся китаец, понюхав ароматный чай. – Кто еще мог его оставить?»

Он налил в чайник воду и принялся мыть чашку.

И почему-то вспомнил вопрос пацана: «Вы бандит?» С грустью вспомнил. Поразмыслил и ответил: «Не знаю».

Себе ответил.

С грустью.

Потому что стал совсем не тем, кем мечтал.

И привычно послал проклятия в адрес солдат MS «Punisher», хотя все они уже лежали в могилах.

«Будьте вы прокляты, скоты, пусть не будет вам покоя...»

И сплюнул в раковину.

Таких, как Хаожень, называли мушкетерами. Почему? Как обычно, благодаря тому, с кого все началось: основатель профессии прославился в сети под ником Мушкетер, заявил о себе на весь мир, и кличка приклеилась ко всем последователям. К специалистам, которые взламывали 3D принтеры. Не дешевые модели, предназначенные для производства простейших деталей низкого качества, а высокоточные и высокопроизводительные машины, сравнимые со средним конвейерным производством. Для того, чтобы пройти защиту профессионального устройства, находящегося под постоянным сетевым надзором специального департамента GS, требовалась высочайшая квалификация программиста, и Хаожень ею обладал. Ли мог перепрограммировать 3D-принтер любой сложности и распечатать на нем любой запрещенный предмет. В первую очередь – оружие. Пистолеты, автоматы, винтовки – все что угодно для тех, кому это нужно.

Современные мушкетеры не стреляли сами, а помогали стрелять, не только взламывая принтеры, но создавали для клиентов программы производства оружия, знали изнанку преступного мира и были лакомой добычей для агентов GS.

Именно поэтому Фекри был полон решимости захватить Ли любой ценой.

После свиданий с Феей Андрей всегда пребывал в прекрасном расположении духа, но сегодня его настроение улучшили пятьдесят кредитов, в буквальном смысле слова свалившиеся на голову, и Андрей возвращался домой, можно сказать, на крыльях. В прошлый раз, когда в капсуле 408 прятался веселый бородач, парнишка заработал почти три сотни, а новый жилец, судя по всему, еще щедрее, и если просидит в «Nirvana» хотя бы неделю, то можно рассчитывать на полтысячи, не меньше. И если прибавить их к тем полутора сотням, которые у Андрея уже были, получится весьма приличная сумма – шестьсот пятьдесят кредитов. Можно снять капсулу в другом MRB и прожить пару месяцев, за это время найти работу и...

«Не ври себе! Какую работу? Кто тебя возьмет?»

«Разберемся, – мысленно ответил Андрей. – Появятся деньги – тогда и посмотрим».

Он вошел в большую «семейную» капсулу, которую арендовал отец – вошел очень тихо, мягко прикрыв за собой дверь, – хотел незаметно проскользнуть в спальню, но услышал голоса в гостиной, замер, размышляя, остаться или пойти спать, решил остаться и прижался к стене, чтобы его случайно не увидели. Судя по всему, в комнате находились двое: отец и его приятель Оззи Николаев. И именно возглас Оззи привлек внимание парнишки.

– Тот самый Дилек? – переспросил Николаев, изумленно глядя на Прохора.

– Да, – подтвердил отец Андрея. – Дилек Дамодар, директор MS «Abada».

– Не директор, а главарь...

– Не начинай, – поморщился Прохор. – Я знаю, как ты относишься к MS, но они официально считаются полицейскими службами, поэтому, как ни крути, а директор Дамодар является государственным служащим.

– Ха-ха!

– Вот тебе и «ха-ха».

– Да я по привычке... – Оззи еще помнил времена «настоящих» полицейских управлений, существовавших до того, как Еврокомиссариат по вопросам Восточных Территорий распорядился передать поддержание общественного порядка на откуп частным структурам. – Чего хочет Дилек?

– Слышал про Фею? – после паузы спросил Прохор.

Андрей похолодел.

– Девчонка, с которой гуляет твой сын? – уточнил Николаев.

– Да.

– Она вроде дочь твоего друга?

Оззи переехал в «Nirvana» после гибели отца Лорис и знал о нем лишь по рассказам.

– Дилек хочет Фею, – мрачно произнес Прохор вместо ответа. – Пару дней назад он увидел девчонку на улице и возжелал.

Андрей почувствовал, что падает. Не в буквальном, в фигуральном выражении, но падает. Очень-очень глубоко. Ему хотелось закричать от боли и страха, расплакаться, кого-нибудь ударить, но он заставил себя стоять и слушать.

Лишь крепко-крепко, до боли, сжал кулаки.

– И еще Дилек сказал, чтобы мы сделали красиво: облачили девочку в одежды, которые он пришлет, и провели церемонию во внутреннем дворе.

– Так он женится на Фее? – не понял Оззи.

– Даже если и женится, то ненадолго, – угрюмо ответил Прохор. – Рано или поздно она ему наскучит и окажется в борделе.

Потому что Лорис станет не первой и не последней в череде «жен» Дамодара, «красиво» отданных ему жителями подвластных MRB. Главарь MS обожал церемонии, во время которых чувствовал себя феодалом. Или вождем племени.

– А мы здесь при чем? – поинтересовался Оззи.

– Дилек велел нам все подготовить, а главное – договориться с матерью Феи о компенсации.

– Сколько предлагает?

– Две тысячи кредитов.

– Ангела не согласится.

– Да, она глупа, – вздохнул Прохор.

– Глупа, – подтвердил Оззи.

– Глупа...

– Надеется, что Лорис встретит принца.

– Интересно, откуда он возьмется в Буграх?

– Мне тоже интересно, – Николаев отхлебнул из чашки и шумно выдохнул, судя по всему, мужчины пили водку. – Когда приедет Дилек?

– В полдень.

Они помолчали. И, кажется, снова выпили.

– Андрей тебя не простит, – вдруг сказал Оззи.

– Надо его увести, – произнес Прохор. – Чтобы не наделал глупостей.

– Я могу сводить его в кино, – оживился Оззи.

– Ты мне нужен здесь, – покачал головой Прохор. – Я придумаю ему дело в городе.

– Как скажешь, – разочарованно протянул Николаев, которому очень нравился белобрысый и хорошо сложенный мальчишка. – Но я думаю, что в такой момент рядом с твоим сыном должен быть опытный мужчина, который поможет ему пережить расставание с подружкой.

– Ишь, как заговорил, – хмыкнул Прохор. – Выпей лучше.

Дальше Андрей слушать не стал: бесшумно покинул капсулу и побежал к пожарной лестнице, кусая губы, чтобы не разрыдаться.

– Докладывайте, – распорядился Фекри, с размаху плюхаясь в офисное кресло. Кресло скрипнуло, но выдержало напор специального агента, и лишь чуть-чуть откатилось, уперевшись в стену. – Мне нужны хорошие новости.

Сол только что провел совещание с заместителем директора местного отделения GS, договорился о полной поддержке операции и надеялся, что помощники его не разочаруют. Расставшись с заместителем, Фекри закрылся в комнате отдыха, собираясь принять душ и переодеться, но решил сначала закончить с текущими делами. Плюхнулся в кресло и запустил в smartverre режим видеоконференции.

– Харт?

– Я собрал записи со следящих камер и проверил их вручную, – доложил оператор. – В интересующий нас период времени в каждый MRB входили люди, очки которых были снабжены устройством динамического смещения. Среди них были как мужчины, так и женщины...

– Женщины? – удивился Сол.

– Я исхожу из того, что объект мог переодеться в женщину, – спокойно объяснил Харт. – Теперь вероятности... В MRB «Gazprom» вошли три человека, каждый из которых на восемьдесят процентов мог быть нашим парнем, в «Brat-1» – тоже трое, но один объект – женщина, а еще один соответствует характеристикам нашей цели всего на шестьдесят пять процентов. В «Nirvana» вошел один парень, его вероятность семьдесят процентов, в «Pushkin» – двое, но по пятьдесят пять.

– Ясно... – протянул Фекри, и перевел взгляд на Гаржо. – Ты уже добрался до местной MS?

– И заручился поддержкой их главаря... извините – их директора, – Гаржо, как и все офицеры GS, с брезгливостью относился к частным полицейским службам, являться с которыми ему периодически приходилось.

– Что мы о ней знаем?

– MS «Abada» контролирует зону MRB «Бугры» и считается частью европейской группировки правоохранительных органов, которую эстонцы и шведы создали в противовес китайским организациям, вошедшим в город для охраны перевалочного центра «Шелкового Пути». «Abada» ведет себя осторожно, с китайцами не ссорится, ее костяк сформирован из опытных суданских наемников. Директором организации значится Дилек Дамодар, государственный советник третьего ранга.

– Направление деятельности?

– Как и у всех: героин, ЛСД и синтетические наркотики, которые они закупают у китайцев, – рассказал Гаржо. – Порядок в районе поддерживается на хорошем уровне, так что у властей к MS претензий нет.

– Сколько бойцов?

– Около трех сотен, и Дилек готов начать прочесывание любого MRB по нашему выбору.

– Хорошо... – Фекри почесал нос. – Гаржо, бери этих «полицейских» и отправляйся в «Gazprom», трясина всех, кого найдешь... Если отыщешь мушкетера – сразу сообщай, и мы подключим спецназ Оперативного отдела.

– Понятно, – кивнул Гаржо.

– Харт, продолжай работать в сети. Система распознавания лиц не работает, но, может быть, отыщешь что-нибудь интересное.

– Я понял, Сол.

– На этом пока все.

Фекри отключил подчиненных, поднялся, потянулся и стал стягивать куртку.

Это была обида? Нет, пожалуй, нет. Не только... И обида тоже. Страх? Безусловно. Страх за Фею. Но главное – растерянность.

Андрей совершенно не представлял, что делать, но четко понимал, что отец не поможет. И друзья отца не помогут. И его друзья... ну, те пацаны, которых он называл друзьями, не помогут. Никто не поможет, потому что никто из жителей MRB «Nirvana» не рискнет связываться с Дилеком Дамодаром. Никто. Дилек возьмет то, что захочет, и убьет тех, кто осмелится поднять голову.

А значит, завтра он возьмет Лорис.

Так будет.

Примерно час Андрей плакал на грязной лестничной площадке, придумывая и отвергая различные варианты действий. Предупредить Фею? А дальше? Сбежать? Куда? От Дилека уже пытались бежать, когда он потребовал отдать ему девятилетнего мальчика из MRB «Brat-1». Тогда несчастные родители бросили все и попытались скрыться на польской территории, но Дамодар воспользовался своим положением государственного служащего, подключился к городской системе слежения, отыскал беглецов и потребовал их выдачи. Директор MS «Pilsydsu» решил не ссориться с братом-европейцем, отдал семью и... Лучше не вспоминать, что Дамодар с ними сотворил.

Лучше не вспоминать.

Примерно час Андрей плакал на грязной лестничной площадке, а затем, так ничего и не надумав, вытер слезы и отправился к капсуле 408 в зоне А. Не веря, что ему помогут. Но зная, что больше ему не поможет никто.

Постучал, надеясь, что таинственный Ван еще не спит, с облегчением улыбнулся, услышав тихие шаги, но вновь погрузился в грусть, поскольку встретил его китаец кислым выражением лица и коротким сообщением:

– Мне пока ничего не нужно.

Кстати, Ван не выглядел сонным, и потому парнишка рискнул продолжить разговор:

– Я хочу поговорить.

– О чем?

– У меня проблемы.

– Почему ты решил, что я тебе помогу?

– Потому что больше мне идти не к кому.

– Э-э... – несколько секунд Хаожень обдумывал простенькую фразу, родом из книг и сериалов, после чего вздохнул и посторонился: – Проходи.

Поскольку по-прежнему верил в искренность паренька.

– Спасибо.

Капсула оказалась небольшой и безликой, напроць лишенной безделушек и мелочей: сувениров, фотографий, картин на стенах, брошенных носков, в конце концов, другими словами, деталей, которые превращают капсулу в дом. Или пытаются превратить.

Честно говоря, Андрей и ожидал увидеть что-то подобное, поэтому не удивился, а оказавшись внутри, сразу посмотрел на стол, надеясь увидеть на нем разобранный пистолет. Мальчику почему-то казалось, что он обязательно должен там быть. Ведь все преступники, которых он видел в кино, проводили свободное время за чисткой оружия. Или за употреблением наркотиков.

– Будешь чай? – поинтересовался китаец, беря в руку чайник. – Я как раз заварил.

– Не буду.

– Это настоящий чай, а не дрянь из пакетиков.

– Ваш друг оставил? – уточнил Андрей.

– Да.

– Тогда буду.

Веселый бородач угощал мальчика потрясающе вкусным и ароматным напитком.

– Вот и правильно. – Китаец наполнил чашки, расположился в кресле, жестом предложив Андрею занять второе, сделал маленький глоток и поднял брови, показывая, что готов слушать.

Парнишка поставил чашку на столик – он не мог пить настолько горячий чай, – и мрачно рассказал:

– Ее отдадут Дилеку.

Получилось коротко, весело, искренне и абсолютно непонятно. Ли помолчал, не дождался и осведомился:

– Кого?

– Фею.

Хаожень понял, что речь вряд ли идет о сказочном персонаже, и мягко задал следующий вопрос:

– Твоя девочка?

– Еще нет, – Андрей покраснел. – Но я хочу, да... Она очень красивая и еще маленькая! Ей двенадцать лет! А Дилек – он директор нашего MS, он ее увидел и захотел. А Фея... ее некому защитить.

– Отец умер?

– Умер, – подтвердил Андрей. – Но... я думаю, отец бы ее не защитил. Наверное. Здесь, в «Nirvana», живут тихие люди, они... мы... – Парнишка сбился, не зная, как правильно описать население родного MRB, припомнил слова отца и продолжил: – Мы – честные и законопослушные люди, хорошие, поэтому... – А вот что «поэтому», он уже придумать не смог. Не

знал, как завершить фразу, чтобы получилось не грубо, и потому закончил честно: – Поэтому если бы Дилек захотел меня – он бы меня получил. Вот.

И отвернулся.

– Разве это по закону? – тихо спросил китаец.

– MS здесь закон, – ответил парнишка. – Вы разве не знаете? Они везде закон.

Ли поморщился. Потому что знал. Потому что после реформы правоохранительной системы настоящих полицейских организаций осталось катастрофически мало, и общественный порядок поддерживали MS, от которых требовалось одно: отсутствие бунтов. На все остальное смотрели сквозь пальцы.

Мушкетер сделал еще один глоток чая и тихо спросил:

– Зачем пришел?

Прозвучало не слишком приветливо, но мальчишка ждал холодного приема, поэтому не смутился и ответил твердо:

– Мне нужен совет.

– Какой?

– Что мне делать?

– Сражаться, – мгновенно ответил китаец. Ответил быстро, но не быстрым тоном, размеренно, чтобы слово дошло. – Халява закончилась в тот момент, когда тебя оторвали от мамкиной титки. Все остальные подарки судьбы придется выгрызать зубами, тем более – любовь.

– Я... – Андрей грустно улыбнулся. – Я не умею.

– Все с этого начинают: говорят, что не умеют, – с прежней неторопливостью, но чуть более жестко произнес Хаожень. – А потом делают выбор.

– Отец говорит, что с помощью оружия ничего нельзя решить, – произнес мальчик, елозя пальцем по подлокотнику кресла. – Отец говорит, что цивилизованные люди должны договариваться.

– Тогда что ты здесь делаешь? – поднял брови Ли. – Иди к отцу, он знает, как нужно.

– Не в этот раз, – вдруг ответил Андрей.

И сказал себе, что ответил правильно.

Хаожень улыбнулся. Ему понравилось не слово, а тон, которым оно было произнесено – в голосе мальчишки появилась решимость.

Китаец поднялся, медленно наполнил свою чашку, вернулся в кресло и задумчиво произнес:

– Идеи мира, дружбы, умения договариваться и поиска компромиссов придумали и пропагандируют победители. Тот, кто однажды безжалостно сокрушил врагов и задумался о том, чтобы сделать свою власть вечной. Или долгой. Что для этого нужно? Выиграть бой до его начала. А что нужно, чтобы бой не начался? Убедить потенциальных врагов в том, что оружие ничего не решает, что современный выбор – это договоренности и компромиссы. Умный победитель, тот, кто уже добился своего положения с помощью жестокости и оружия, постарается сделать так, чтобы вокруг росли не агрессивные волки, а тупые бараны, у которых можно забирать все, что заблагорассудится, скормливая сказку о том, что цивилизованный человек избегает насилия и договаривается.

– А кто не поверит в сказку? – прошептал Андрей, прекрасно зная ответ.

– Тех убьют, – пожал плечами китаец. – Или возьмут в стаю.

– Вас взяли в стаю? – неожиданно спросил мальчик.

– Меня почти убили, – спокойно ответил китаец, мысленно посылая привычные проклятия. – Была такая MS «Punisher», главарь которой решил отнять у моего отца бизнес и меня. И отнял. Все, кроме меня. Я сбежал. Потом отыскал способ отомстить, потом долго был один, а потом оказался в стае, которая собирается порвать победителей.

– Только собирается?

– Победителей много, и они очень сильны, – Ли усмехнулся. – Но вернемся к тебе, мальчик, который еще не знает, хочет ли он быть мужчиной, зачем ты пришел?

– Мне нужен совет.

– Сражайся.

– Они меня убьют, – негромко сказал Андрей.

– Я знаю, – невозмутимо согласился китаец.

Несколько секунд мальчик изумленно смотрел на мушкетера, после чего уточнил:

– Они меня по-настоящему убьют!

– Я знаю, – очень спокойно повторил Хаожень. – Но вот в чем дело: ты умрёшь в любом случае... – Андрей вздрогнул, не понимая, что имеет в виду Ли, но через секунду тот объяснил свои слова. – Тот ты, которого ты знаешь, умрет обязательно, разница лишь в том, проживёшь ли ты после смерти ещё лет сорок, но иногда... нет, не каждый день, а именно иногда тебя будет тошнить от презрения к тому человеку, которого ты будешь видеть в зеркале.

«Да, именно так...»

– Или же ты умрёшь по-настоящему, но, оказавшись на небе, с гордостью скажешь: «Я сделал все, что мог!», и тот, кто тебя встретит, посмотрит на тебя с уважением.

– Это важно? – прищурился мальчик.

– Очень, – подтвердил Хаожень. И поставил опустевшую чашку на столик. – Ты должен послушать себя, Андрей, должен понять, что для тебя значит эта девочка. Что для себя значишь ты сам. И понять, как ты хочешь умереть, поскольку умереть придется завтра. А еще ты должен решить, что хочешь получить, если вдруг выживешь? Как ты хочешь жить дальше? Кем ты хочешь жить дальше? – Китаец выдержал паузу. – Сейчас, Андрей, у тебя есть прекрасная возможность выбрать судьбу.

– Что же в ней прекрасного?

– В возможности? – удивился Ли. – Возможность прекрасна уже тем, что она есть. Поверь: многие люди лишены возможности выбора и бездумно следуют чужому пути. Унылому и безрадостному.

– Почему чужому?

– Потому что свой путь ведет к цели, а чужой – к смерти.

«Чужой, унылый, безрадостный путь... А ведь верно, – понял мальчик, – многие люди по нему идут».

Пьют водку, спят со всеми подряд и не могут защитить своих детей, рассказывая сказки о своей честности и законопослушности.

«И я стану таким же, если не возненавижу себя настолько, чтобы перерезать вены...»

Андрей поднял голову, впервые посмотрел в непроницаемо-темные глаза китайца и уверенно отчеканил:

– Я хочу убить Дилека.

– Ты не выживешь, – равнодушно напомнил Хаожень.

– Знаю.

– Ты не спасешь Фею.

– Знаю, – Андрей помолчал и закончил: – Вы правильно сказали, Ван: это не для нее, а для меня. Я принял решение сражаться.

И вот тогда Ли Хаожень протянул сидящему напротив мужчине руку:

– Я помогу.

Штаб-квартира MS «Abada» занимала пять нижних этажей MRB «Bygor», все подземные и была прекрасно подготовлена для отражения возможного штурма: подьезды перекрывали бетонные блоки и ограда из колючей проволоки, прилегающую территорию контролировали

видеокамеры, автоматические пулеметы и патрульные дроны, а «вишенкой на торте» являлся танк Т-90, горделиво стоящий во внутреннем дворе MRB.

Значение танка в современном уличном бою стремилось к нулю, но с ролью страшилки для подвластных Дилеку туземцев Т-90 вполне справлялся: обитатели Бугров знали, что у Дамодара есть танк, и говорили о нем с уважением.

О них: о танке и о Дамодаре.

А вот на Сола Фекри бронированная тележка не произвела особенного впечатления. Он припарковал внедорожник у самого подъезда, бросил ключи подбежавшему бойцу, даже не посмотрев на его физиономию, и уверенно прошел внутрь здания, всем своим видом демонстрируя дистанцию между офицером GS и местными «правоохранителями».

История частных полицейских служб насчитывала не один случай нападения служащих MS на агентов всемогущей GS, но все они заканчивались настолько суровым наказанием виновных, что теперь приключались крайне редко. А поскольку у Фекри не было никаких претензий к «Abada», нападения он не ждал.

Однако с главарем повел себя совсем не так, как с «шестерками».

– Доброй ночи, уважаемый Дилек.

– Доброй ночи, уважаемый Сол, – ответил сидящий за письменным столом Дамодар и жестом велел помощникам выйти из кабинета.

– Я приношу извинения за то, что сразу не приехал лично – неотложные дела заставили меня остаться в башне GS. И я рад, что мы наконец-то смогли встретиться.

В действительности Сол планировал вздремнуть этой ночью, но Гаржо доложил, что, проведя не принесший результата рейд в «Gazprom», Дамодар отозвал солдат, и Фекри решил выяснить, что происходит. Но Дилек проявил похвальное воспитание и сам заговорил о делах.

– Вы, наверное, удивлены тем, что я прекратил облаву, уважаемый Сол? – поинтересовался он, внимательно глядя агенту в глаза.

– Именно так, – не стал скрывать Фекри.

– Но я не снял оцепление, – улыбнулся Дамодар. – «Бугры» закрыты, даю слово, что по земле ваш парень не уйдет, а люди, которые проводили облаву, нуждаются в отдыхе.

Примерно такой ответ Сол и ожидал услышать, поэтому воспринял его предельно спокойно. Кивнул, показав, что услышал и принял слова директора «Abada», и уточнил:

– Утром облава продолжится?

– Не сразу, – отозвался Дамодар. – Дело в том, что в полдень я женюсь, а церемония требует присутствия моих людей.

И вновь на лице агента не дрогнул ни один мускул. Несмотря на то, что Солу хотелось положить дерзкого «полицейского» на пол и выстрелить ему в затылок. Вместо этого Фекри заставил себя улыбнуться:

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Церемония состоится здесь?

– Нет, я отправлюсь за невестой в MRB «Nirvana».

В один из тех, которые были в списке Харта.

– Вы позволите отправиться с вами? – вежливо спросил Фекри.

– Если вы согласитесь побыть моим гостем сегодня, – развел руками Дилек. – Поверьте, вы не будете разочарованы.

Он хлопнул в ладони, и в кабинет вошли несколько юношей и девушек.

Довольный Сол шумно втянул ноздрями воздух и молча кивнул.

Не помочь Андрею Ли не мог. И желание восстановить справедливость стояло в списке его мотивов на последнем месте. В действительности Ли должен был либо помочь, либо убить

пацана, потому что никто не мог сказать, что сотворит мальчишка, выйдя из капсулы 408: возможно, сумеет раздобыть оружие, какую-нибудь дурацкую одноразовую «пукалку», распечатанную на дешевом 3D-принтере, попытается убить Дилека, попадетя и во время пыток расскажет о странном обитателе капсулы в зоне А; возможно, он просто решит «договориться», не понимая, что принятое решение никто отменять не будет, и попробует выкупить у Дамодара девочку ценой его, Хаожень, жизни. Все могло быть. Поэтому Ли решил помочь.

Да и нельзя мешать мужчине, принявшему решение сражаться.

Пожав мальчишке руку, китаец открыл на планшете подробнейшую схему MRB «Nirvana», прикинул, какие закладки он сможет использовать, и отправил пацана проверить их наличие. А сам, убедившись, что Андрей действительно ушел, вытащил из рюкзака еще один smartverre, нацепил его на нос, вошел в сеть и набрал зазубренный наизусть номер.

– Джа?

– Еду я, еду, – сварливо отозвался веселый бородач, бездельничающий в баре аэропорта. – Буду у тебя по расписанию.

– К полудню успеешь?

– У тебя званый ужин?

– Вроде того, – не стал скрывать Ли. – Видишь ли, у меня тут... – На этих словах он сбился, поскольку заготовленная фраза показалась китайцу неправильной, а придумать новую он не успел, выдержал паузу, после чего продолжил: – В общем, я решил кое-кому помочь.

– Кому?

– Мальчишке, который в прошлый раз носил тебе еду.

– Уже успел познакомиться?

– Он меня засек.

– Мальчонка хороший, – припомнил Джа. – Шустрый такой... что у него случилось?

– У него отнимают девочку.

– И ты уговорил его сражаться?

– Он сам захотел.

– Знаю я, как «он сам захотел», – проворчал бородач. – Ты мог сидеть тихо и не высываться?

– Ты сам прикормил пацана.

– Гм... – оспаривать это утверждение Джа не мог. – А ты что собрался делать?

– Я выступаю в роли доброго фея, – сообщил Хаожень. – Он делает сам, а я стою в стороне, как будто меня нет.

– Тебя «будто нет», а я, похоже, там буду, – ворчливо произнес бородач. – Это было замечательное, тихое, спокойное, надежное и очень веселое убежище. Так и знал, что нельзя было тебя в него пускать. – Он выдержал паузу и жестко велел: – Рассказывай.

Для того, что задумал Хаожень, требовался не рядовой 3D-принтер, а мощный, современный, обладающий высокой точностью и производительностью. Таких устройств в MRB «Nirvana» было два, и Ли остановил выбор на том, что принадлежал фирме «LasPalmas», стоял на втором техническом этаже и работал до полуночи. А примерно в час китаец подключил планшет к электронному замку двери, подобрал код, и они с Андреем бесшумно проскользнули внутрь.

– Вы – хакер? – тихо спросил мальчик, пораженный легкостью, с которой они проникли в тщательно охраняемое помещение.

– У меня есть внутренние коды всего MRB, – в тон ему ответил Хаожень.

– Откуда?

– Мы здесь прячемся и должны все знать.

– Логично... – Андрей потер лоб и повторил вопрос: – Вы – хакер?

– Мушкетер.

– Ох! – в голосе паренька прозвучало искреннее уважение. – Как бы я хотел стать мушкетером!

– Для этого нужно много учиться, – ответил китаец.

– Догадываюсь, – Андрей погрузился. – Отец обещал, что после школы я пойду в колледж, но теперь... а что нужно знать, чтобы стать мушкетером?

– Университетский курс химии, физики и математики, – после паузы рассказал Хаожень. – Ну и разбираться в программировании, разумеется.

– А зачем химия и физика?

– Чтобы не ошибиться с патриджами.

Ли подключил планшет к принтеру и принялся неспешно ломать его защиту. Судя по автоматически запускающимся на компьютере мушкетера программам, скрытое подключение к устройству было для китайца привычным делом, он лишь поглядывал за тем, чтобы все шло по плану, и не отказывал себе в удовольствии поболтать с парнишкой.

– Когда 3D-принтеры только появились, все боялись, что их владельцы займутся изготовлением оружия. Врать не буду: многие действительно начали с этого, но старые устройства не отличались высоким качеством, и на них можно было распечатать лишь громоздкие одно-разовые «пукалки», которые не фиксировались системами безопасности того времени, но это не имело значения, потому что спрятать столь огромное изделие не было никакой возможности. А когда появились современные принтеры: высокотехнологичные, работающие с высокой скоростью и точностью, всеобщее образование деградировало до такого уровня, что подавляющее большинство людей попросту не смогло воспользоваться этим подарком.

– При чем тут образование? – не понял Андрей.

– При том, что людей приучили работать по шаблону, собирать изделия из готовых блоков, – объяснил Хаожень. – Все 3D-принтеры работают с готовыми схемами, которые нужно скачать из облака, а программу изготовления оружия, как ты понимаешь, в облаке не найдешь.

– Но у вас она есть.

– Мною же и разработана, – улыбнулся Ли. – Вот для этого нужны химия, физика, математика и много других наук: у меня есть программы создания любого вида оружия, остается лишь взломать принтер... – Планшет звякнул, сообщив, что задача выполнена. – Заставить его принять файл не из облака, а из памяти... – Китаец выбрал нужную схему. – И вставить в устройство требуемый патридж...

Андрей улыбнулся и загнал в гнездо указанный Хаожением блок. Принтер помолчал, переваривая задание, после чего приступил к печати.

– И через пару часов у нас будет высокотехнологичный ствол, – закончил мушкетер.

– Здорово, – не удержался мальчишка. – Пулемет?

– Да.

– Я с ним справлюсь?

– Это будет автоматический пулемет, точнее, два автоматических пулемета, управление которыми я выведу на твой smartverge, – китаец погладил пальцами электронные блоки, которые Андрей принес из тайника. – Для тебя это будет чем-то вроде симулятора.

– То есть, я смогу находиться где угодно?

– Нет, ты должен будешь находиться неподалеку, – вздохнул Хаожень. – Во-первых, потому что связь по сети легко прервать, они попытаются это сделать в первую очередь, поэтому управлять пулеметами придется через протокол прямого обмена. Во-вторых, у нас нет дронов, а камеры наблюдения не дают полной картинки зоны поражения, я проверял. Так что тебе придется выбрать позицию, с которой ты сможешь видеть весь внутренний двор.

– Я понял, – ответил Андрей. – Я справлюсь. – Он помолчал, после чего спросил: – Почему вы мне помогаете?

– Потому что однажды один человек помог мне, – ровным голосом ответил китаец.
– Он вас защитил?
– Защита нужна женщинам, – Ли выдержал короткую паузу и закончил: – Он убедил меня сказать: я хочу сражаться.
– Кому сказать?
– Себе.

– Мамочка, я не хочу! Не хочу! Не хочу! – по щекам Феи текли слезы, нос распух, губы дрожали, она постоянно звала маму, но напрасно: по приказу Прохора Оззи запер несчастную в дальней капсуле зоны С, и даже ее крики не долетали до дочери. – Я не хочу...

– У нас нет выхода, – прошептала одна из женщин, которую Прохор отправил готовить «невесту».

– Пожалуйста, помогите!
– Если мы тебя не отдадим, Дилек устроит нам кровавую баню, а потом все равно возьмет тебя.

Выполняя пожелания главаря MS, они искупали девочку, умастили ее тело присланными кремами, а теперь облачали в тонкие шелка.

– Я покончу с собой!
– Так будет лучше для тебя, но не для нас.
– Мамочка!

Женщина отвернулась.

Возможно, потому что не могла больше смотреть на рыдающую девочку. Возможно, потому что ей стало стыдно. Женщина отвернулась, но изменить ничего не могла: Лорис была приговорена, и время ее «свадьбы» стремительно приближалось...

Самое умное, что он мог сделать – сбежать. Воспользоваться шумом, который устроит мальчишка, и унести ноги.

Это было правильно.

Это было прагматично.

На этом настаивал Джа.

Он сам собирался так сделать, пожимая Андрею руку, но...

«Но ведь иногда нужно вести себя по-идиотски!»

Ли распаковал доставленный десять минут назад пакет и внимательно посмотрел на форму курьера, приложенные к ней документы и smartverre: Джа позаботился обо всем. Умный, опытный и очень прагматичный Джа, который будет крайне недоволен тем, как собирается поступить китаец.

– Извини, дружище, я не могу, – пробормотал Хаожень. – Это будет неправильно.

Потому что тот человек, к которому перепуганный Ли Хаожень пришел за советом, не только заставил его сказать: «Я хочу сражаться!», но и помог. Не сразу, но помог. Не бросил.

«Так будет правильно, так, и никак иначе! Время разговоров прошло... если, конечно, оно вообще когда-то начиналось. Ван прав: сражение – естественная часть жизни мужчины, каким бы хорошим дипломатом ты ни был, рано или поздно наступит момент, когда нужно встать и взять в руки оружие».

А обитатели MRB «Nirvana» были очень плохими дипломатами, и значит, за оружие нужно браться как можно раньше.

Больше всего Андрея изумлял тот факт, что он совсем не нервничает. Нисколько. То ли перегорел, то ли озверел, то ли повзрослел... Повзрослел и понял, что раз решение принято – сомнения должны остаться позади.

В семейную капсулу Андрей вернулся под утро, закончив снаряжать пулеметные ленты и установив оружие в точном соответствии с планом китайца. Вернулся, надеясь тихонько проскользнуть в детскую, но отец не спал. Скорее всего – специально ждал Андрея в гостиной, поскольку, увидев сына, усмехнулся и сказал:

«Я думал, ты сбежал».

«Зачем?» – машинально спросил Андрей.

«Правильно: куда тебе идти? – рассмеялся Прохор, но глаза его остались холодными. – Ты уже слышал?»

Отрицать очевидное не имело смысла.

«Я понимаю, что ты не можешь противостоять Дилеку и его головорезам, – выдавил из себя Андрей. – Он нас порвет».

«Все так, сын, – кивнул Прохор. И очень тихо добавил: – Извини».

«Я... – Андрей развел руками. – Я постараюсь об этом не думать, и... – он сглотнул, делая вид, что ему и в самом деле тяжело. – Я постараюсь забыть...»

«Так будет лучше», – сказал его слабый отец.

«Я знаю».

Ван велел Андрею обязательно поспать, но этого юноша не смог. Проворочался три часа, вышел из спальни после того, как Прохор ушел, съел пару соевых сосисок, запил чаем, незаметно проглотив выданную китайцем таблетку стимулятора и убежал, сказав, что идет в школу.

Кортеж получился внушительным. Дилек не в первый раз ехал «жениться», точнее – демонстрировать незыблемость власти, и хорошо знал, как нужно появляться перед подданными.

Открывал процессию раскрашенный в полицейские цвета «седан» с «крякалкой» и включенной «люстрой» – он разгонял машины, заставляя водителей прижиматься к обочине; за ним следовал бронированный внедорожник с установленным на крыше пулеметом; за ним – два абсолютно одинаковых внедорожника бизнес-класса, тоже бронированных и с затемненными стеклами – в каком из них едет Дилек, знали только охранники; и замыкали процессию еще один вооруженный внедорожник и микроавтобус с телохранителями.

Не выспавшийся и потому немного злой Фекри, ехавший вместе с Дилеком, столь же усталым после бурной ночи, не сразу понял, что развалившийся на диванчике бандит обращается к нему.

– Из оцепления сообщают, что за ночь ни один азиат «Бугры» не покинул. Так что если твой парень не успел сделать пластическую операцию, он по-прежнему прячется в моих MRB.

– Приятная новость.

– В шесть утра началась облава в «Brat-1», а вторая группа займется «Nirvana» – сразу после того, как мы уедем.

– Очень хорошо, – Сол широко зевнул и машинально поинтересовался: – Что-нибудь подозрительное за ночь случилось?

Без всякой задней мысли поинтересовался, просто потому, что привык не упускать детали.

– Ничего особенного, – ответил Дилек, просматривая отчет на экране smartverre. – С утра – тишина, только владелец фирмы «LasPalmas» сообщил, что у него пропало три картриджа для 3D-принтера.

– А сам принтер у него есть? – насторожился Фекри.

– Конечно, – Дамодар посмотрел на агента, как на идиота.

– Его включали?

– Нет.

– Точно?

– Разумеется, точно, – махнул рукой Дилек. – Принтеры такого класса запускаются только с сервера производителя, который подтвердил, что машина не работала.

Директор MS «Abada» не знал, кого они ловят, иначе не был бы столь самоуверен.

– Ну, раз производитель подтвердил, то беспокоиться не о чем, – Фекри снова зевнул, откинулся на спинку дивана и послал по сети сообщение:

«Харт, мушкетер в “Nirvana”! Мне нужен спецназ».

Китаец не просто помог: он разработал всю операцию, и без него, даже имея на руках пулеметы, Андрей не смог бы ничего сделать. Ван указал парнишке, где установить только что распечатанное оружие, чтобы его не заметили разведчики Дилека, помог подключить к электросети, сбросил ему нужное приложение, показал, как его запустить, и связать блоки управления в единую систему. Подарил тайник с ящиком патронов и сказал, что их хватит на всю «Abada», и уж точно – на всех, кто явится «на свадьбу».

Китаец помог, но главное Андрею предстояло сделать самому.

«Оба пулемета уже подключены к smartverge и готовы к работе, но приложение запустишь в последний момент, чтобы его не засек робот, – напутствовал парнишку Ли. – Запустишь, когда увидишь машину Дерека».

«Дилека».

«Без разницы – он уже труп. Чтобы было проще, я синхронизировал пулеметы, и они будут стрелять в одну точку, в красный крестик, который ты увидишь на экране smartverge. Туда, куда ты переведешь крестик, и полетят пули. Все понятно?»

Это действительно напоминало симулятор: знакомый внутренний двор, вид сверху, поскольку Андрей стоял на галерее второго этажа, и красный крестик,двигающийся, когда парнишка поворачивал голову. Людей во дворе нет – их разогнали охранники Дилека. Двор почти пуст, и красный крест кажется нарисованным... Двор кажется нарисованным... И вышедший из шикарной машины Дилек кажется нарисованным.

Симулятор. Как многое в этом чертовом мире.

– Сдохни, – прошептал Андрей.

И длинная очередь двенадцатимиллиметровых пуль разорвала улыбающегося Дамодара напополам.

– Знакомая музыка... – пробормотал Джа, услышав пулеметные очереди.

Он предполагал их услышать и разработал план эвакуации мушкетера, основываясь на том, что бойцы Дилека будут очень заняты. Но Ли решил довести роль доброй феи до конца, и Джа оказался вынужден во второй раз менять продуманный ход действий. А поскольку времени почти не осталось, бородачу пришлось импровизировать. Впрочем, экспромты ему тоже удавались.

Джа подъехал к боковому входу в «Nirvana», оставил свой простенький, совершенно безобидный робомобиль курьерской службы на улице, взял посылку с простеньким, совершенно безобидным содержимым и вошел в здание.

Пара дежуривших у входа солдат «Abada» не обратила на него никакого внимания.

Компьютерной игрой происходящее казалось недолго.

До первой крови.

До того мгновения, как Андрей осознал, что разорванное на части мясо несколько секунд назад было Дилеком. А когда осознал – накатила такая дурнота, что закружилась голова, мальчишку повело, а следом сдвинулся красный крест, переноса безжалостный огонь прочь от расстрелянной машины Дамодара.

И это движение спасло опытному Солу жизнь: после первых выстрелов агент укрылся за автомобилем, но продолжал внимательно следить за происходящим и, увидев, что стрелок перенес сосредоточенный огонь в сторону, резким рывком ушел из двора, укрывшись в коридоре.

– Что происходит?!

Солдаты Дилека сначала решили, что во всем виноват Фекри, но увидев, что агент едва спасся, изменили отношение, мысленно назначив его главным.

– Что происходит?

– Засада?

– Зуб даю – это MS «Pilsydcy» из Лавриков, они давно на нашу территорию зарятся!

– Но как они узнали, что Дилек будет здесь?

И все вновь устали на Сола.

– Нужно взять пулеметчика, – громко произнес агент, спокойно разглядывая взбужденных солдат. – Судя по всему, он один.

– Откуда ты знаешь?

– Иначе мы были бы мертвы, – пожал плечами Фекри. – Неужели не ясно? Если бы нам подготовили засаду, то коридоры были бы полны пилсудских. – Солдаты закивали головами. – Поднимайтесь по лестнице и начинайте прочесывать уровни 2 и 3. Хватайте всех подозрительных – стрелок должен быть неподалеку от пулеметов. Особое внимание – на азиатов! Их арестовывать всех!

А еще через секунду в smartverge пришло сообщение от Харта:

«Спецназ будет через семь минут».

Андрей поставил пулеметы на автоматический огонь – Ван объяснил, как это сделать, – и теперь они бессмысленно расстреливали стены внутреннего двора: все, кто мог, попрятались, остальные мертвы. Не все, конечно, не вся банда, но это и не было целью: главное – мертв Дилек.

И Андрей вновь не знал, что делать дальше.

Казалось бы, проблема решена, главарь «Abada» убит, но парнишка вдруг понял, что на смену убитому Дилеку обязательно явится следующий. Не обязательно сегодня, но обязательно явится, потому что единственное, что человечество научилось производить безостановочно и в больших количествах – это подонков. И даже если он сумеет уберечь Фею, пострадает другая девочка. Только и всего.

– Эй, пацан!

Грубый окрик заставил Андрея резко развернуться и даже, кажется, немного присесть. Во всяком случае, колени у него подогнулись, а на лице появилась гримаса страха...

«Пропал!»

Но через секунду Андрей понял, что такая реакция никого не удивила. А еще через мгновение сообразил, что его никто ни в чем не подозревает: ворвавшиеся на второй уровень солдаты даже представить не могли, что расстрел организовал белокрылый подросток.

– Видел здесь кого?

– Парень в черной куртке! – Андрей махнул рукой в противоположную сторону. – Побежал туда.

– Отлично!

Полицейские бросились в указанном направлении, а ошарашенный, не до конца поверивший в свою удачу Андрей торопливо зашагал к лестнице.

– Я не причиню тебе вреда, – спокойно произнес Джа.

– Тогда зачем вы меня похитили?

– Похитил или спас?

Лорис вздохнула, а затем честно ответила:

– Не знаю.

Ее нарядили и повели к лифту – встречать «мужа». Фея помнила, что перестала плакать – устала, или смирилась, или и то, и другое. Она шла к лифту и думала только о том, что завтра выбросится из окна. Или послезавтра. Потому что рано или поздно Дилек к ней охладееет, и она станет собственностью его солдат, которые без стеснения разглядывали ее прелести.

Солдат было четверо, они забрали девочку, велел Прохору и женщинам оставаться в капсуле, и повели к лифту, на ходу перебрасываясь короткими фразами на незнакомом Лорис языке. Смеялись, поглядывая на нее оценивающе, но лишнего себе не позволяли, помнили, что сейчас наряженная в соблазнительный наряд девочка еще недоступна, еще является «невестой» их ненасытного босса, и трогать ее означало подписать себе смертный приговор. Но солдаты знали, что скоро до нее доберутся, и обсуждали, как это будет.

Потом один из них нажал кнопку вызова, дверцы лифта открылись и Лорис увидела бородатого мужчину в форме курьера. Один из солдат повел автоматом, молча указывая курьеру убираться, в ответ бородатый улыбнулся и... забрал автомат.

То есть...

Никаким другим словом девочка не смогла бы описать того, что случилось в то мгновение, то молниеносное движение, которое она не заметила и среагировала лишь на результат: автомат оказался у бородатого. Он его забрал. И вскрикнула Фея в тот самый миг, когда «курьер» выстрелил в первый раз. От бедра, не целясь. Выстрелил в того идиота, у которого отнял оружие, выпустив наружу его мозги. Затем последовало еще три выстрела, затем бородатый бросил автомат, завел оторопевшую Лорис в лифт и нажал кнопку третьего уровня.

А когда дверцы закрылись, сказал:

– Я не причиню тебе вреда.

Абсолютно спокойным голосом.

– Тогда зачем вы меня похитили?

– Похитил или спас?

Лорис вздохнула, а затем честно ответила:

– Не знаю.

Бородатый промолчал, и девочка решила ему поверить. Тем более, выбора у нее не было.

Как ни удивительно, лифт доехал до третьего уровня без остановок, они вышли, по техническому коридору, о существовании которого Фея даже не подозревала, дошли до одной из боковых лестниц, спустились на первый уровень, вышли из здания и сели в незаметный робомобиль, украшенный эмблемой курьерской службы.

Лорис хотела продолжить расспросы, но не успела, потому что меньше чем через полминуты из MRB вышел Андрей! Которого сопровождал китаец в точно такой же, как у бородача, форме.

– Что происходит?

– Просто помолчи, – велел бородатый.

Андрей прыгнул на заднее сиденье и крепко прижал девочку к груди. Ли уселся на пассажирское кресло, и робомобиль тут же тронулся с места.

– Сколько у нас времени?

– Три минуты, – ровно ответил Джа. – Потом прилетит спецназ GS.

– Как мы уйдем?

– Оцепление снято: солдаты Дилека разбегаются, а в Бугры входят передовые банды MS «Pilsydscku», я сообщил им, что Дамодар убит.

Узнав о гибели государственного советника третьего ранга, соседнее полицейское управление решило захватить лакомую территорию.

Nothing personal, it's just business.

– А что будет с нами? – тихо спросила Фея.

Ли повернулся, посмотрел девочке в глаза и очень серьезно ответил:

– Андрей – мужчина, и он решит, что будет. А если растеряется, то спросит совета у друзей – друзья помогут.

Джа поморщился, но промолчал. И прибавил скорость, торопясь быстрее покинуть опасный район.

Павел Корнев

Непреодолимая сила

Хлоп-хлоп. Хлоп!

Два легких быстрых удара завершились классическим мае-гери, медицинский робот-тренажер отлетел назад и с силой приложился спиной о переборку, но устоял на ногах и легко вернул утраченное из-за пинка в грудь равновесие.

Оператор – молодой индус с десятком колечек в проколотых ушах – отвлекся от сонма голографических экранов и вопросительно посмотрел на меня. Я лишь покачал головой и вернулся к чтению.

Безделье способно свести с ума кого угодно, и пусть уж лучше Мо избивает созданный по последнему слову техники манекен, чем пристаёт ко мне с предложением размять косточки в спарринге. А роботу... Роботу ничего не будет. Пусть строение тренажера до мельчайших деталей повторяло анатомию человеческого тела, но композитные материалы обладали куда большей прочностью, нежели плоть и кости. Шансов повредить им голыми руками – и даже босыми ногами! – не было ни малейших.

Правда, оставалась еще голова... Бортовой компьютер этой модели располагался в черепной коробке, что для подавляющего большинства антропоморфных роботов было скорее исключением из правил, нежели обычным конструкторским решением.

К тому же показания многочисленных датчиков, имитировавших нервную систему, обрабатывались самообучающейся программной средой, в задачу которой входила симуляция не только обычных травм и обострений телесных недугов, но и психических расстройств. А сознание – штука тонкая. Беспрестанные пиковые нагрузки не выведут тренажер из строя, но вполне могут сказаться на стабильности работы электроники.

С обреченным вздохом я отвлекся от электронного планшета и предупредил:

– Лысая башка, стрясешь Роберту мозги, мигом спишут на землю! Тебя спишут, не его!

– Хорошо бы! Тошнит уже от этой консервной банки!

Подобный ответ меня несколько не удивил, и я многозначительно заметил:

– Перепродадут контракт куда-нибудь в самую жопу мира, будешь в Африке местным клизмой ставить под минометными обстрелами.

Мо, чья кожа на контрасте с белыми кителем и форменными брюками, казалась просто-таки иссиня-черной, большой, плечистый и начисто лишенный волосяного покрова за исключением двух ниточек бровей, оторвался от тренажера и развернулся в мою сторону.

Оператор тут же ссутулился, тщетно пытаясь уменьшиться в размерах. Он работал в двадцатиметровом «опенспейсе» службы срочной психологической реабилитации меньше недели и еще не вник во все хитросплетения взаимоотношений нашей бригады. Мой мускулистый черный коллега своим видом нагонял на него ужас.

– А нет ли в твоём высказывании сексистского подтекста? – грозно поинтересовался темнокожий санитар, который родился на благословенном Американском континенте и родину своих далеких предков именно что «жопой мира» и полагал. Смутило его в моих словах нечто совсем иное.

– Лысая башка, разве я в чем-то неправ?

– Не жонглируй словами! – фыркнул Мо, грозно раздувая широкие крылья приплюснутого носа, но, будучи добрейшей души человеком, тут же перестал сверлить меня пристальным взглядом и усмехнулся. – Я же в тестовом режиме, записи в общий протокол не идут! Дай размяться, пока босс спит!

– Разве я сторож тебе, брат?

– Не брат ты мне, потомок белых угнетателей, – не остался в долгу санитар, развернулся к роботу-тренажеру и приказал: – Стойка номер пять!

Роберт принял указанное положение и тут же покачнулся, приняв на согнутую руку маваси-гери. Программная блокировка исключала проведение ответной атаки, но отводить удары и уклоняться андроиду позволялось, чем Мо и пользовался.

И я не мог его за это осуждать. Работа в психологической реабилитации подводного города Рода не изобиловала срочными вызовами, и суточное дежурство в закрытом помещении превращалось в настоящее испытание для нервной системы.

Впрочем, не для всех. Я с завистью посмотрел на миниатюрную китайку, которая неподвижно лежала на кушетке установки виртуальной реальности и одновременно странствовала по неведомым мирам. И так изо дня в день.

Доктор Лю все свое время проводила в кибер-реальности, и чем дальше, тем больше это походило на проявление своеобразного психического расстройства. Боюсь, с прохождением следующей аттестации у босса возникнут большие проблемы.

Я покачал головой и продолжил чтение. Оператор переводил взгляд с одного экрана на другой и отслеживал выбранные системой автоматического анализа трансляции камер наблюдения, Мо разминался, избивая Роберта, доктор Лю валялась в отключке.

Все заняты, все при деле.

Обычное дежурство.

Первым утомился чернокожий санитар.

– Завершение калибровки! – отдал он голосовую команду роботу-тренажеру. – Лог сессии сохранить в резервном профиле.

– Зачем каждый раз сохранять лог? – вздохнул я. – В бойца ты его в любом случае не превратишь.

– Зато реагирует шустрее, – ответил Мо и провел серию из трех ударов, на этот раз открытой ладонью и вполсилы.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Ни он, ни я не расслышали, как бесшумно ушла в сторону дверь, незваных гостей мы заметили, лишь когда послышался пронзительный вскрик:

– Что здесь происходит?!

В дверях стояли двое: страшненькая тетка с растрепанными по последней моде волосами и subtilный господин, прилизанный и смазливый. Своим неожиданным визитом нас почтил директор службы психологической реабилитации и, как водится, явилось руководство в самый неподходящий для того момент. Еще и притащил с собой какую-то истеричку...

Но нет, клуша была кем угодно, но только не истеричкой.

– Потрудитесь объяснить проявление немотивированной агрессии по отношению к антропоморфному медицинскому оборудованию! – выдала она тоном, полным ледяного презрения. – Кто позволил вам использовать дорогостоящее оборудование в качестве боксерской груши?

Мо так и замер с отведенной для очередного хлопка ладонью. Несмотря на брутальную внешность, высокий дан карате и ученые степени по философии и медицине, неожиданное явление начальства ввергло его в ступор.

Я едва не вытянулся по стойке смирно, лишь в самый последний момент заложил руки за спину и сообщил:

– Медицинский тренажер используется по своему прямому назначению: на нем отрабатывается техника экстренного вывода человека из состояния аффекта. Все ударные нагрузки укладываются в рекомендованные департаментом общественного здоровья пределы.

Тетка злобно сверкнула глазами.

– С сегодняшнего дня я возглавляю департамент, и мне решать, что укладывается в нормы, а что нет! И решение это будет основываться на анализе датчиков тренажера.

Я остался невозмутим. Мо сейчас бил вполсилы и ладонью, а его полноценные упражнения в основную память андроида не загрузались.

Взгляд новоявленной главы департамента остановился на докторе Лю.

– Использование установки виртуальной реальности в рабочее время!

Директор службы психологической реабилитации сделал страшные глаза, и я поспешно произнес:

– Доктор Лю оценивает мероприятия по устранению неполадок системы перед подписанием акта выполненных работ.

По моему жесту оператор вывел на один из экранов упомянутый документ, но тетка лишь скривилась и с презрением обронила:

– Вижу, у вас процветает гендерное неравенство...

Директор от несправедливой обиды изменился в лице.

– Оператор информационной системы числится в штате коммуникационного департамента! – с возмущением выдал он. – Медицинская бригада под руководством доктора Лю состоит из трех человек...

– А я женщина в мужском теле! – От возмущения голос Мо стал заметно выше, нежели обычно.

Большая накачанная черная женщина. Пустяки, дело житейское. Я не знал, действительно ли Мо полагает себя трансгендером, или эта лазейка лишь упростила ему заключение контракта, и знать этого не хотел. Мне хватало умственных расстройств пациентов, чтобы еще ставить диагнозы коллегам.

Глава департамента смерила здорового санитара внимательным взглядом, покачала головой и потребовала:

– Покажите мне используемые в работе спецсредства.

– Исполняйте, – кивнул директор.

– Вас интересует аптечка? – заколебался я.

– Спецсредства!

Я пожал плечами, распахнул встроенный в переборку шкафчик и выложил на стол иньектор и эластичные стяжки.

– Это все?

«Чем богаты», – едва не сказал я, но вовремя прикусил язык.

Когда подписывал первый контракт, в распоряжении службы имелись и дубинки, перцовые баллончики и даже тазеры с электрошокерами, но со временем эти средства были признаны излишними. Их изъяли, и теперь санитарам приходилось полагаться лишь на собственную физическую силу.

Полиция? Полиция – это инструмент угнетения населения, в Роде такое отношение к гражданам не приветствовалось. По официальной точке зрения, преступность под куполом полностью отсутствовала, а отдельные правонарушения совершались в состоянии помрачения рассудка психически нездоровыми людьми. Определенная логика в этом была: попробуйте отыскать психически здорового человека, когда над головой вместо неба раскинулась колоссальная толща океанических вод.

Впрочем, в измученном войнами, терроризмом, экологическими и социальными катастрофами мире нормальных людей вообще можно было пересчитать по пальцам. Я мог поручиться лишь за одного человека – себя самого.

– Вы насильственно ограничиваете подвижность и подвергаете людей медикаментозной терапии без их согласия? – осведомилась тетка.

Директор пошел пятнами, но нашел в себе силы ответить.

– Лишь тех, чье состояние не позволяет дать адекватный...

Тетка не стала дослушивать его, развернулась и вышла в коридор.

– Я создам рабочую группу для анализа обоснованности применения насилия! – бросила она на ходу. Директор выбежал следом.

Мо мрачно глянул на меня и принялся обуваться.

– Нас с тобой скоро запретят. Мы слишком большие, сильные и тренированные. Наши умения приравняют к оружию. Да нас самих назначат живым оружием, вот увидишь! А Рода – это...

– ...зона, свободная от оружия, – продолжил я и вздохнул.

Столь строгих законодательных запретов оружия не было, пожалуй, ни в одной стране мира. Океанический купол Рода – рай пришедших к власти ультра-пацифистов. Такими темпами скоро столовые приборы исключительно из пластика делать начнут.

– Ладно, – махнул я рукой. – Кто испортит настроение боссу – ты или я?

– Он! – указал Мо на оператора.

Индус сделал вид, будто ничего не слышал. Я усмехнулся и активировал завершение программы виртуального погружения.

Доктор Лю выслушала о визите начальства с воистину восточной невозмутимостью и лишь махнула рукой.

– Все пройдет, пройдет и это, – выдала она с многозначительным видом.

– Конфуций? – уточнил я, даже не трудясь спрятать ухмылку.

– Лао-Цзы, – ответила доктор Лю с непроницаемым выражением лица профессионального игрока в покер и нацелила указательный палец на Мо. – Сколько тебе раз говорили не трогать тренажер?

Чернокожий санитар недовольно фыркнул, прошелся по комнате, хрустнул костяшками сцепленных пальцев.

– Вот увидите, – проворчал он с видом непризнанного прорицателя, – скоро здесь каждому в мозг вживят чип. Захочет человек ударить кого-нибудь, а у него руки-ноги отнялись. Или психологическую блокировку сделают, чтобы о насилии даже не помышлял. И наступит всеобщее счастье. А нас пацифисты спишут на берег.

– «Утопия-13» и «Новый Парадиз», – сообщила доктор Лю, прикрыла рот узкой ладонью и зевнула. – В первом случае управлявший колонией искусственный интеллект погрузил все население в анабиоз. О втором случае никаких достоверных сведений нет, в один день «совершенные люди» просто открыли шлюзы и затопили пузырь.

– Сектанты, – поморщился я, и тут вспыхнул красным один из висевших вокруг оператора экранов.

– Код двести двадцать три! – выпалил индус.

Мы недоуменно переглянулись. Подобного обозначения мне слышать раньше не доводилось. Не случай семейного насилия, не приступ истерики, не громкая музыка в общественном месте. Что-то новенькое.

– Озвучь! – потребовала доктор Лю.

– Подозрение в изготовлении огнестрельного оружия! – выдал оператор.

Я присвистнул. Иной раз обитатели купола, пусть они и были сто раз пропущены через мельчайшее сито психологических тестов, все же пускали в ход самодельные ножи и дубинки, но на огнестрел никто прежде замахиваться не пытался. Нормальному человеку оружие без надобности, а психопат на грани нервного срыва к столь кропотливой работе не расположен.

Да и как?!

Но с вопросами «как» и «зачем» будут разбираться совсем другие люди, наша забота оказать срочную психологическую помощь.

– На выход! – скомандовала доктор Лю, надела очки дополненной реальности и потребовала у оператора: – Загрузи мне адрес!

Мо пшикнул из аэрозольного баллончика на лысину проводящий состав, растер его и водрузил на голову тонкий металлический обруч. Устройство сканировало пространство в поисках электромагнитных полей, характерных для человеческого организма, и стимулировало нервную систему владельца, дабы тот проворней от них уклонялся. Любого, кто попытается ударить чернокожего санитаря, ожидает большой сюрприз.

Доктор Лю забралась на служебный сегвей с тележкой для перевозки пациентов; я уселся на моно-колесо. Мо последовал моему примеру, и мы выехали в технический коридор, узкий и темный. Там не было ни красочных панорамных видов, ни разработанных для психологической разгрузки видео-обоев, лишь тянулись под потолками трубы и кабель-каналы, да бугрились полусферы датчиков дыма и загоравшихся при нашем приближении ламп.

До места докатили за десять минут, этого времени как раз хватило для получения санкции на проникновение в частное жилище и генерации нужных для этого одноразовых кодов доступа. Неприкосновенность частной собственности в наше время вещь весьма и весьма относительная.

Под конец пришлось выехать из служебного тоннеля и подняться на два уровня выше. Дальше – обычная дверь, но не квартиры, как я предполагал, а офисного блока.

– Заходим! – объявила доктор Лю и приложила служебный чип к датчику замка. – Дальше все открыто. Ячейка семнадцать.

Китайка отступила в сторону, а мы с Мо заскочили внутрь и рванули к нужному помещению. Там я хлопнул по сенсору, но тот никак на прикосновение не отреагировал. Дверь даже не шелохнулась.

– Питание отключено? – предположил я.

Мо уперся в дверь ладонями и поднатужился, пытаясь сдвинуть ее в сторону. Та поддавалась было, но почти сразу застыла. Чернокожий санитар рванул – без толку, механизм заел намертво.

– Зараза! – выругался Мо. – Что делать будем?

– Дай мне! – попросил я, выпустил воздух из легких и не без труда, но все же протиснулся в образовавшийся зазор.

Помещение заполнял шум работающего оборудования, и мое появление осталось для хозяина незамеченным. Худощавый молодой человек стоял спиной ко мне и увлеченно изучал показания какого-то прибора.

Сенсор двери оказался взломан, из-под сдвинутой крышки торчала разомкнувшая контакты отвертка. Я выдернул ее, желая разблокировать дорогу напарнику, и механизм неожиданно громко защелкал и заскрежетал.

Створка начала рывками уходить в сторону, но шум привлек внимание хозяина, он обернулся, увидел меня и вдруг ринулся к дальнему столу. Я в несколько стремительных прыжков оказался рядом, поставил подножку и придал дополнительное ускорение толчком в спину.

Задыхлик пролетел мимо стола и растянулся на полу, а подняться ему уже не дали. Мо навалился сверху, выкрутил руки и ловко зафиксировал запястья пластиковыми стяжками.

– Рептилоиды! – завопил пациент, изгибаясь и пытаясь освободиться. – Твари! Рептилоиды!

Доктор Лю сделала ему инъекцию успокоительного и предусмотрительно добавила для протокола:

– Это в его собственных интересах.

Я подошел к гудевшему прибору и озадаченно хмыкнул.

– Похоже, он детали пистолета напечатать хотел. Загрузил программу, а система отследила подозрительную активность.

– Не наша забота! – отмахнулась китаянка. – Оснований достаточно, Мо, готовь пациента к перевозке.

Чернокожий санитар потащил обмякшего человечка к тележке, а я подошел к столу и удивленно присвистнул:

– Ну ничего себе!

На столе лежало нечто, напоминавшее обрез дробовика, только со стволом непропорционально маленького калибра. К рукояти был прикреплен аккумуляторный блок, провода уходили в техническое отверстие, горела зеленая лампочка.

Вот тебе и зона, свободная от оружия. Вот тебе и океанический купол пацифистов.

Понадобилось человеку оружие – и добыл, никакие запреты не остановили.

– Из чего этот умник порох изготовил? – озадачился я, с интересом разглядывая кустарный пистолет.

– На спуск не нажми! – предупредила доктор Лю и протянула мне пластиковый пакет. – Убери!

Я опустил в него оружие, и мы отправились в обратный путь.

Медицинская служба пообещала забрать пациента в течение часа, на это время мы поместили его в изолированную палату с прозрачными стенами. Умелец очень быстро отошел от успокоительного, но буянить не стал, лишь скорчился на полу и зажал лицо руками.

– Рептилоиды! – простонал он. – Они выследили меня! Я знал! Я чувствовал!

Мо тоненько хихикнул и не удержался от ехидного замечания.

– С утра я был человеком!

– Вы служите им! Все служат им! – взъярился пациент. – Океан – их стихия. Они живут здесь испокон веков, отсюда они управляют человечеством! А вы их слуги! Подумайте сами: зачем еще селиться в месте, где над головой миллиарды кубометров воды?!

Я не удержался и пропел по-русски:

– А над нами километры воды, а над нами бьют хвостами киты...

Доктор Лю взмахом руки велела мне заткнуться и присела на корточки рядом с пациентом по другую сторону прозрачной стенки.

– Зачем тебе понадобилось оружие? Разве оно поможет против этих... рептилоидов?

– Поможет против их слуг! – выкрикнул псих, зажал уши ладонями и принялся орать какую-то тарабарщину.

Пришлось поставить звукоизоляцию.

Мо оценил сублинное телосложение пациента и благодушно усмехнулся:

– Мог бы просто походить в спортзал. Мне вот никакие рептилоиды не страшны. В бараний рог любого пришельца скручу!

Захотелось пошутить про похищение инопланетянами и анальный зонд, но я сдержался. А вот доктор Лю со злым прищуром заявила:

– Мышцы – это не главное!

– Да ну? – ухмыльнулся в ответ Мо.

Китаянка не стала устраивать диспут, просто привстала на цыпочки и двумя пальчиками ухватила санитаря между шеей и плечом, а потом без всякого труда заставила громилу согнуться в три погибели.

– Лишь дополнением разума сила ценна! – объявила доктор Лю.

– Лао-Цзы? – усмехнулся я.

– Мастер Йода! – ответила китаянка.

Мо какое-то время пытался высвободиться, потом взмолился:

– Отпустите, босс!

Китайка перестала удерживать санитара. Тот, тяжело отдуваясь, выпрямился, помассировал плечо и двинулся к медицинскому роботу, на груди которого горел красный огонек работы с сетью.

Оператор верно истолковал намерение Мо и предупредил:

– Программная оболочка анализируется спецками департамента. Тренажер отключен.

– Пусть роются! – усмехнулся Мо и, прежде чем успела вмешаться доктор Лю, ребром ладони несильно врезал роботу по голове.

Тот качнулся, и светодиод тут же замигал лихорадочными алыми всполохами.

– Оболочка недоступна, – озвучил синтезированный голос системное уведомление. – Загружается резервный профиль! Заг... Заг... Загруж-а-ется...

Мы во все глаза уставились на тренажер, и, уверен, все подумали об одном: какой из органов придется продать для оплаты счета за ремонт андроида, если техники решат, что причиной поломки стало ненадлежащее обращение с оборудованием.

– Я ничего... – начал было Мо, и тут робот сбил его с ног мощным маваси-гери. Движение ноги было столь стремительным, что санитар на него попросту не отреагировал. Бессилен оказался даже ускоритель нервной системы.

Такого просто не могло быть! Программные ограничения...

И тут до меня дошло! Криворукие умники из департамента выгрузили управляющую систему, и теперь вместо нее активировался битый профиль. Битый в прямом смысле слова! Уж Мо об этом позаботился!

Робот метнулся ко мне, и я сиганул в сторону, даже не пытаясь схлестнуться с тренажером в рукопашной схватке. А вот доктора Лю подвели невесть кем и когда вбитые рефлексy. Она ударила по болевой точке, но болевых точек у робота не было. Жесткий тычок сбил китайку с ног, и она без чувств распласталась на полу.

Оператор открыл рот и тут же присоединился к доктору, получив круговой удар пяткой в голову. А вот Мо оказался слеплен из другого теста. Санитар поднялся на ноги и ринулся в атаку. Обхватив робота двумя руками, он со всего маху впечатал его головой в переборку, да так, что едва не проломил ее насквозь.

Тренажер удара даже не почувствовал. Он неожиданно ловко вывернулся и в свою очередь обхватил рукой шею противника, проводя удушающий захват. Я кинулся на помощь напарнику и локтем врезал туда, где у человека располагается ухо. Попал, но едва не отправился в нокаут сам. Мах свободной руки робота оказался противоестественно быстр, и увернуться я не успел. Очнулся, уже сидя на полу.

А робот и не думал отпускать Мо. Лицо санитара сделалось фиолетово-черным, выпученные глаза налились кровью, и лишь мощная мускулатура на давала взбесившемуся андроиду свернуть человеку шею. Здоровяк подбил ноги механического противника и перевел борьбу в партер, но высвободиться не сумел и начал быстро терять силы.

Задушит робот Мо или в последний миг одумается?

Стоп! Робот с битой программой – и одумается?

Вот черт! Мне бы сейчас заваливающий электрошокер...

Мысль утонула в накатившем головокружении, но я все же заставил себя подняться на ноги, нашарил пакет с самодельным пистолетом и разорвал пластик. Угловатая рукоятка легла в ладонь на удивление удобно, зеленый огонек ободряюще подмигнул: «стреляй!».

«А он заряжен вообще?» – подумал я, с безопасного расстояния нацеливая оружие на голову взбесившегося робота.

Жахнуло! Комнату заполонил пороховой дым, завывла сирена пожарной сигнализации.

Композитные материалы робота-тренажера не были рассчитаны на попадание пули, череп пробило, осколки разнесли управляющий компьютер на куски. Андроид разжал смерто-

носные объятия и забился в судорогах. Каждый из его сервомоторов теперь действовал независимо от остальных, манекен корежило и трясло.

Мо отполз, прислонился к стене и пытался то ли откашляться, то ли выхаркать легкие. Доктор Лю и оператор так и валялись в отключке, а я стоял с дымящимся пистолетом в руке и гадал, сочтут ли местные власти нападение на коллегу кровожадного робота-убийцы обстоятельством непреодолимой силы.

Увы и ах, по всему выходило, что ясноликие пацифисты едва ли расценят случившееся достаточным поводом для применения огнестрельного оружия, и вскоре меня спишут на берег, а контракт передадут куда-нибудь в самую жопу мира.

Возможно, даже в Африку.

Кирилл Бенедиктов Долина смертной тени

Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов.

Фукидид в «Пелопоннесской войне» рассказывает, что спартанцы выбрали отличившихся особою храбростью илотов, и те, с венками на голове, словно готовясь получить свободу, посещали храм за храмом, но немного спустя все исчезли, – а было их более двух тысяч, – и ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать, как они погибли.

Плутарх. «Ликург и Нума»

Стоя на коленях, много не увидишь. Особенно когда тебе в шею, в мягкую впадинку под затылком, туда, где зуб эпистрофея входит в ямку атланта, упирается холодный ствол карабина. Его ледяное прикосновение анестезией замораживало мышцы. Повернуть голову, хотя бы чуть-чуть, казалось невыносимым – малейшее движение могло спровоцировать короткую судорогу указательного пальца, лежавшего на спусковом крючке. Олег не знал, насколько быстрой реакцией обладает карауливший его охранник, не знал, тугой ли спуск у его карабина – но сдавивший сердце ужас нашептывал, что крючок скользит в пазу с легкостью падающего с дерева листа, и достаточно шевельнуться, чтобы тяжелая пуля вошла в тело, ломая кости, разрывая сосуды и сминая мышечные волокна.

Он видел только несколько планок паркета, старого, дубового, покрытого потемневшим от времени поцарапанным лаком, и странно голубоватое пятно лунного света, ползущее по этим планкам. Олег стоял на коленях долго – не меньше часа – и за это время пятно сместилось сантиметров на двадцать. Еще через час оно уползет за пределы видимого пространства. Если, конечно, за этот час его не убьют. Тогда уже не будет никакого пятна. Или, вернее, оно будет – но не для него. Олег вспомнил, как когда-то, очень давно, смотрел на лунную дорожку, колышавшуюся на поверхности ночного моря, и думал о том, что это зрелище не изменилось со времен динозавров. Не изменится оно и после его смерти. Это была простая и понятная мысль, но принять ее было невозможно.

Где-то над его головой шумно вздохнул и зачесался невидимый охранник. Холодный металл царапнул кожу, и у Олега свело от страха живот. Если бы он мог, то обмочился бы. Но он не пил уже почти сутки, и вся жидкость вышла из организма с липким потом обессиливающего страха.

Вдалеке скрипнула дверь, застонал под тяжелыми шагами старый паркет. Кто-то шел по комнате уверенной хозяйской походкой. Охранник снова пошевелился, и, хотя Олег по-прежнему не мог его видеть, ему показалось, что тот втянул живот и расправил плечи.

Шаги приблизились, и Олег увидел носок сапога, коснувшийся границы лунного пятна. Сапог был из мягкой, выделанной вручную, кожи, с полукруглой серебряной нашлепкой на носке. Под серебром пряталась гибкая стальная пластина – даже не очень сильный удар таким сапогом ломал ребра. Олег хорошо знал эти сапоги: он два года работал в мастерских, где их шили. Каждая пара стоила больше, чем он зарабатывал за год. И носили их, конечно, только Хозяева.

Хозяин остановился на расстоянии полуметра. Стоял молча, разглядывая коленопреклоненного Олега. Охранник тоже молчал и даже как будто перестал дышать.

– Это его поймали в саду? – произнес, наконец, негромкий голос. Олегу показалось, что он прозвучал утомленно, как если бы Хозяин сильно устал.

– Точно так, Хозяин, – ответил охранник с какой-то неприятной угодливостью. У здорового мужика не должно быть таких заискивающих интонаций. А Олег видел его, хотя и мельком, перед тем, как его связали и поставили на колени – охранник был на голову выше его и раза в полтора шире в плечах. – Прятался в кустах у оранжереи.

– Что он там делал?

«Почему он не спросит меня? – подумал Олег. – Почему обращается к этому идиоту?»

– Не могу знать, – с поспешной готовностью ответил идиот. – Прятался. Леонтий Валерьяныч полагает – готовил террористический акт.

Хозяин удивленно хмыкнул. Перед глазами Олега мелькнуло что-то черное, и твердый кончик стека уткнулся ему в подбородок.

– Что, правда? – в голосе Хозяина чуть прибавилось живости. – Ты террорист?

Стек упирался в подбородок Олега, поднимал его кверху, заставляя взглянуть на Хозяина. Но и ствол карабина по-прежнему леденил кожу. Олег застыл, разрываемый двумя противодействующими силами.

– Убери, – приказал, наконец, Хозяин, поняв, почему стоящий на коленях человек превратился в каменную статую. Олег почувствовал, что холодный металл больше не касается его шеи. Осторожно поднял голову. Увидел того, кто стоял перед ним.

Хозяину было лет тридцать пять. Невысокий, крепкий, с аккуратно подстриженной черной бородкой. Умное лицо, усталые, но живые и внимательные глаза. На правой скуле – тонкий белый шрам, след студенческой дуэли. Свитер грубой вязки, штаны из мягкой, дорогой на вид ткани.

– Так ты – террорист?

– Нет, – хрипло ответил Олег и поразился своему голосу. – Я врач.

– Врач? – удивился Хозяин. – Что врачу делать ночью в моем саду? Впрочем, может быть, ты ветеринар? Ночью я выпускаю из вольеров некоторых зверей. Так значит, вот ты какой – доктор Айболит...

Олег помотал головой. Это было приятное, хотя и болезненное ощущение – двигать затекшей шеей.

– Я... не ветеринар. Я вообще давно не работаю врачом. У меня больше нет лицензии.

Стек вдруг хлестнул его по лицу – не слишком сильно, но достаточно ощутимо для того, чтобы из глаз брызнули слезы.

– Прекрати нести чушь. У меня нет желания проводить полночи в беседах с каким-то бродягой. Что ты делал у моей оранжереи?

– Я прятался, – честно признался Олег. – От загонщиков.

Хозяин присвистнул. Постучал стеком по раскрытой ладони.

– Прятался от загонщиков? – раздумчиво повторил он. – У меня в саду?

– Выбора не было. Я попал в засаду неподалеку от вашей усадьбы. Побегал к стене. У них были собаки. Мне пришлось перелезть через стену, чтобы они меня не порвали.

– Они бы не порвали, – перебил его Хозяин. – Поверь мне, их специально обучают не причинять вреда жертвам. Тебе просто не дали бы уйти.

Олег вспомнил огромных черных псов, несущихся по его следу через окутанную вечерним туманом рошу, и спазм страха снова сдавил ему горло.

– Я не знал, простите. Да если бы и знал...

– Ты понимаешь, что совершил тяжелое преступление? – поинтересовался Хозяин, поигрывая стеком.

Олег замер. Что-то в интонациях Хозяина говорило ему, что отвечать определенно нельзя – ни утвердительно, ни отрицательно.

– Я спасал свою жизнь, – хмуро сказал он.

– Ты свободный человек? Или чья-то собственность?

– Условно-свободный, – привычная формулировка на этот раз далась Олегу нелегко.

– Регистрация?

– Большая Тверь. Я работал в мастерских Арутюняна, сапожником...

– Врач – сапожником? Оригинально.

– Меня лишили лицензии три года назад. Вина была не моя, но...

Хозяин ткнул его стеком в плечо, и Олег сразу же замолчал, как выключенный приемник.

– Развяжи его, – велел Хозяин охраннику. Олега рывком поставили на ноги – он заскрипел зубами от пронзившей мышцы судороги. Щелкнули стягивавшие запястья эластичные жгуты, и ладони едва не взорвались от хлынувшей в них горячей крови. – Его обыскали, надеюсь?

– Дважды, Хозяин, – охранник для верности еще раз похлопал Олега по бокам. – В саду и в доме.

– Отведи в каминный зал. И скажи Алене, чтобы принесла вина.

Олега ткнули твердым кулаком между лопаток, и он пошел. Переставлять затекшие ноги было тяжело и больно. Если бы не охранник, железными пальцами державший его за локоть, он бы, вероятно, упал.

Каминный зал, по счастью, находился недалеко и тоже на первом этаже. В первый момент Олегу показалось, что он размером с футбольное поле, но это, конечно, было не так – просто очень большое помещение, углы которого тонули в предрассветной мгле. В глубине зала мерцало темно-багровое сияние – там догорал большой, окаймленный бархатной тьмой, камин.

Охранник отконвоировал Олега к повернутым к каминной решетке креслам с высокой спинкой и толкнул пленника в одно из них. Олег упал в кресло как куль. Охранник неподвижно застыл рядом, похожий на одетого в камуфляж Голема.

Из темноты материализовалась Алена – маленькая пухлая блондинка в строгом черно-белом костюме с серебряным подносом в руках. Когда охранник успел передать ей приказ Хозяина, Олег так и не понял – но на подносе стояла пузатая темная бутылка и один-единственный высокий, похожий на тюльпан, бокал.

Олег был уверен, что бокал предназначался Хозяину, а на него, условно-свободного бродягу, схваченного в кустах у господской оранжереи, никто и не собирался переводить драгоценный напиток – но оказалось, что он ошибся.

Алена поставила поднос на столик и, продемонстрировав сноровку профессиональной официантки, в два приема вытащила маленьким раскладным штопором пробку. В бокал полилось багряное, похожее на кровь, вино. Охранник тронул Олега за плечо.

– Пей.

– Я? – глупо спросил Олег. Ответа он не получил. Осторожно взял бокал, оказавшийся неожиданно тяжелым, и пригубил.

Олег уже много лет не пил хорошего вина – с тех самых пор, как условно-свободным стали платить не деньгами, а толлами, «токенами лояльности». В лавках, где принимали толлы, можно было купить пива, водки, иногда – дистилляты типа самогона или чачи – а вот вина там были исключительно паршивые. Но и в лучшие времена, когда зарплаты врача хватало на две-три бутылки настоящего бордо в месяц, подобных вин Олег не пробовал. Вино одновременно холодило и жгло, в нем сочетались несочетаемые нотки – лепестки фиалки и вяленое мясо, миндаль и земляника, сладость и горечь. Он не успел и глазом моргнуть, как бокал опустел.

– Давай еще, – буркнул охранник. Алена тут же наклонила пузатую бутылку, и бокал вновь наполнился до краев. На этот раз Олег пил медленнее, смакуя букет неизвестного ему напитка. Напряжение, владевшее им, понемногу отступало, хотя страх никуда не делся – сидел колючим комочком в груди, готовый в любую минуту распрямиться пружиной паники. Зачем его поят этим прекрасным и явно очень дорогим вином? Где Хозяин и почему Алена принесла только один бокал? В вине яд? Но к чему такие сложности? Можно было просто застрелить его прямо там, на веранде, где он, стоя на коленях, целый час ожидал появления Хозяина...

– Ты можешь идти, – сказал Хозяин откуда-то из темноты. Олег дернулся было, чтобы встать, но тяжелая рука Голема вдавила его в кресло. – Иди, иди, он никуда не убежит.

– Слушаюсь, Хозяин, – с прежней отвратительно-угодливой интонацией отозвался охранник.

– И ты тоже, – на этот раз Хозяин обращался к Алене. – Мы отлично справимся сами.

Он подошел к камину – изящный черный силуэт на фоне багрового мерцающего экрана – снял висевшую на крючке кочергу и поворошил угли – без особого, впрочем, успеха. Пламя в камине умирало.

– Что скажешь о вине? – не оборачиваясь, спросил Хозяин.

– Великолепное, – быстро ответил Олег. – Не пил такого... очень давно.

– Точнее, никогда, – усмехнулся человек у камина. Он повесил кочергу на крюк и повернулся к Олегу. – Ты никогда не пил такого вина, потому что это вино не для таких, как ты. Это вино Хозяев.

Он взял бутылку и посмотрел на просвет, сколько в ней еще осталось.

– Тебе повезло, – голос его звучал почти дружески. – У меня в погребе вообще нет неудачных вин, но это из первого десятка.

– Почему же вы сами не пьете?

Хозяин пожал плечами.

– Не хочу. Если тебя это по каким-то причинам расстраивает, я прикажу унести бутылку.

Олег помотал головой. Может быть, не стоило пить так много, тем более что он давно ничего не ел – но отказаться от изумительного напитка было выше его сил. К тому же с каждым бокалом колючий комочек страха в груди становился все меньше.

– Тогда прошу, не стесняйся, наливай себе сам, – радушно предложил Хозяин.

Он уселся в кресло и протянул к огню ноги в окованных серебром сапогах.

– Итак, ты спаслся от загонщиков. Само по себе это не преступление – даже крепостные имеют право убегать от охотников, а ты условно-свободный, если не врешь, конечно.

– Вы можете проверить, – быстро сказал Олег. Хозяин отмахнулся.

– Мне это безразлично. Преступлением является нарушение границ частного владения, друг мой. А в этом случае закон не делает различия между крепостным и *усиком*.

Олег опустил голову. Три года назад, когда он еще был врачом, слово «усики», как в обиходе называли условно-свободных, казалось ему смешным. Теперь оно звучало как приговор.

– В обоих случаях наказание одно, – Хозяин извлек из кармана изящный металлический футлярчик, раскрыл его и что-то понюхал. – Смерть.

– Отпустите меня, – попросил Олег. – Я ведь не имел никакого злого умысла. Я не собирался вас грабить. Просто спасал свою жизнь.

– Это недоказуемо, увы, – коробочка защелкнулась. – Мотив мог быть любым. А вот нарушение границ частной собственности – это *fait accompli*. Знаешь, что это значит?

– Свершившийся факт, – мрачно ответил Олег.

Хозяин повернул голову и с некоторым интересом взглянул на него.

– А ты, возможно, и впрямь был врачом. За что, говоришь, тебя лишили лицензии?

Олег замялся. Полчаса назад он был готов рассказать Хозяину все до мельчайших подробностей, но тогда он стоял на коленях, а в затылок ему упирался ствол карабина. А

теперь, когда Олег сидел в мягком кресле с бокалом дорогого вина в руке, говорить о прошлом ему внезапно расхотелось.

– Язык проглотил? – неожиданно резко спросил Хозяин.

– Я оперировал девочку, – неохотно ответил Олег. – Свободную, но с низким статусом. Операция была сложная. В это время в больницу привезли парня с аппендицитом. Ничего особенного, даже перитонита не было. До утра он спокойно мог подождать. Но с ним приехал его отец – чиновник из префектуры.

Он замолчал. Хозяин равнодушно смотрел в огонь.

– Дай угадать. Отец потребовал, чтобы ты немедленно сделал его сыну операцию, а ты отказался. Я прав?

– Ну, в общем, да. Я не мог ее бросить. Мне нужен был еще час, максимум – полтора. Ничего бы с его аппендицитом не сделалось.

Хозяин помолчал, потом кивнул на опустевшую наполовину бутылку. Олег налил себе еще один бокал.

– Знаешь, что мне непонятно в этой истории? – спросил Хозяин, дождавшись, пока Олег выпьет. – Почему сына префекта, или кто он там был, привезли в больницу, где оперируют низкостатусных?

«А он неглуп, – подумал Олег. – С ним, пожалуй, нужно держать ухо востро».

– Потому что это была очень хорошая больница. Больница для Хозяев.

– А ты оперировал там девочку из низов. И вышибли тебя именно за это, верно?

– В другом месте ее просто не стали бы оперировать.

Мать девочки работала в их больнице посудомойкой, иначе ее бы даже на порог не пустили, но об этом Олег решил не упоминать.

Хозяин рассмеялся.

– Друг мой, и кому же ты сделал лучше своим благородным поступком? Тебя вышвырнули из профессии, ты потерял свой статус и принялся шить сапоги. Не задумывался, сколько людей умерли из-за того, что ты решил нарушить правила? Ведь ты же был хорошим хирургом, не так ли?

– Хорошим, – кивнул Олег. – Но не думаю, что кто-то умер из-за того, что я стал сапожником.

– Этого ты знать не можешь, – возразил Хозяин. – Наши законы написаны людьми поумнее тебя. Признайся, ты ведь наверняка считаешь наше общественное устройство несправедливым?

Олег пожал плечами. Неразумно условно-свободному спорить о таких материях с одним из Хозяев, но вино делало свое дело – он осмелел и снова почувствовал себя сильным и независимым.

– Конечно, оно несправедливо. Любая иерархия несправедлива по своей сути. Люди внизу могут быть лучше, чем те, что наверху – и то, что они оказались там, просто игра случая.

– Чушь, – отрезал Хозяин. – Социальная система не возникает в результате стохастического процесса. Это эволюция, естественный отбор. Лучшие поднимаются наверх, балласт неизбежно опускается вниз. словно промывка золотого песка наоборот. В этом заключена высшая справедливость, потому что люди не равны изначально, и стремиться к равенству – все равно что идти против собственной природы.

– Знакомые рассуждения, – Олег потянулся за опустевшей на две трети бутылкой и, уже не спрашивая, налил себе вина. – Только кто определяет, кто лучше, а кто хуже? С эволюцией все понятно. Кто лучше приспособлен, тот выживает. У кого сильнее мышцы, лучше реакция, острее клыки – тот и правит бал. А как быть с людьми?

– Друг мой, – Хозяина явно забавлял разговор, – да ты у нас философ! Люди, как ты наверняка знаешь, произошли от широко специализированных обезьян-пантофагов. Иными

словами, наши предки жрали все, до чего могли дотянуться. Ягоды, плоды, грибы, мелких и крупных животных, себе подобных, не брезговали и падалью. В такой конкурентной среде шансов у примитивных хищников с острыми зубами и мощными мышцами было не больше, чем у собирателей или пожирателей трупов. Поэтому естественный отбор пошел у нас немного другим путем. Лучшими становились те, кто умел обращаться с оружием. Дубинками, копьями, луками, мечами. И использовать это оружие не на охоте, а против своих же соплеменников. Так появилась первая элита.

Хозяин погладил свою бородку, словно размышляя, стоит ли продолжать лекцию.

– С развитием прогресса ситуация стала меняться. Ты наверняка слышал фразу: «Господь создал людей слабыми и сильными, а полковник Кольт сделал их равными». В какой-то момент это стало правдой. Когда у каждого в кармане пистолет, границы внутри социума размываются – а это первый шаг к анархии и хаосу. Ты же знаешь, что произошло в Америке?

– Все об этом знают, – пожал плечами Олег. Вина в бутылке оставалось на доньшке.

– Все, – передразнил его собеседник, – знают то, что им сообщаем мы, Хозяева. Они думают, что в Америке воцарился хаос из-за того, что оружие было доступно всем. Подрыв Капитолия, расстрел тысячи национальных гвардейцев у монумента Вашингтону, резня на Манхэттене – все это, в общем, правда. Но вот то, что случилось потом, известно немногим.

У Олега закружилась голова. Он запоздало подумал, что не стоило пить так много, тем более на пустой желудок – но коварное вино словно ударило его мягким кулаком по затылку.

– После хаоса второй гражданской войны, – продолжал Хозяин, – к власти там пришло правительство, состоявшее из недавних меньшинств, черных и испаноязычных. И первое, что они сделали – это отменили Вторую поправку к конституции. Тех, кто пытался протестовать, убили. За добровольную сдачу оружия платили большие деньги. За донос на того, кто прятал оружие у себя в доме, платили еще больше. Через несколько лет такой политики кнута и пряника оружие осталось лишь у новой элиты.

– Почему... – Олег понял, что ему трудно ворочать языком, – почему у нас об этом не говорят? Почему только про хаос и убийства?

– Потому что люди должны чего-то бояться. Им нужен отрицательный пример. Америка продемонстрировала миру, что бывает, когда у всех, независимо от статуса, есть оружие. Мы показываем всем, насколько устойчива и прочна система, в которой оружие есть только у Хозяев. Секрет в том, что новые хозяева Америки брали пример с нас, друг мой. Вот только мы начали раньше и пошли дальше.

Олег уже не очень понимал, о чем идет речь, но делал вид, что внимательно слушает.

– Мы поняли, что настоящие Хозяева никогда не передают право на владение оружием государству. Вот что отличает Хозяев от всех прочих. Не владение землей, хотя это важно. Не роскошь – мы вообще не придаем ей особого значения. Но мы держим в руках оружие и не позволяем государству отобрать у нас это право. Потому что государство – безлично, это машина, которая должна обслуживать интересы элиты, а не указывать ей, что делать. Ты же не согласился бы, чтобы твой автомобиль запрещал тебе нарушать правила дорожного движения, если тебе это вдруг понадобится? Впрочем, у тебя, наверное, никогда не было машины...

– Почему? – удивился Олег. – Была. Правда, когда меня лишили лицензии, пришлось ее продать, а условно-свободным платят толлами...

– Да, – кивнул Хозяин, – толлы. На них нельзя купить машину. На них можно купить только плохую еду, дешевую водку и дрянную одежду. Еще одна граница, отделяющая Хозяев от свободных, а свободных – от всех остальных. Как ты думаешь, почему настоящими деньгами могут пользоваться только свободные?

– Я не знаю. Я не эк... экономист, – Олег неожиданно икнул.

Хозяин внимательно посмотрел на гостя, потом перевел взгляд на почти опустевшую бутылку.

- Допивай и пойдем.
- Я... я не хочу больше.
- Я настаиваю.

В голосе Хозяина появились стальные нотки. Под его тяжелым взглядом Олег вылил в бокал остатки вина и уже без всякого удовольствия проглотил их.

- Теперь пойдем.

Хозяин терпеливо дожидался, пока гость выберется из кресла и, шатаясь, сделает несколько шагов по направлению к двери.

- Куда... куда мы идем?
- Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Спотыкаясь, Олег прошел через весь зал – казалось, Хозяин правит им, как лошадию, с помощью невидимой уздечки. Они пересекли еще одну комнату, поменьше размером, и оказались перед широкой лестницей, ведущей на второй этаж.

– Поднимемся, – сказал из-за спины Олега Хозяин. Олег послушно поставил ногу на первую ступеньку лестницы, и вдруг его повело в сторону. Он изо всех сил вцепился в бронзовые перила. – Осторожнее, друг мой. Мне кажется, ты несколько перебрал.

«Какого черта, – подумал Олег, – я пьян, как сапожник». Эта мысль его почему-то очень развеселила. «Но ведь я и есть сапожник. Значит, я полностью соответствую своему статусу».

Когда они, наконец, оказались наверху, Хозяин обошел покачивающегося Олега и постучал в дверь, на которой висел лист бумаги с неумело нарисованным солдатом. Солдат целился в кого-то из непропорционально огромной винтовки.

- Кто там? – спросил из-за двери тонкий мальчишеский голос.
- Это я, сынок, – ответил Хозяин. – Можно войти?

И не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

За дверью оказалась просторная, по-спартански обставленная комната, странная смесь детской спальни и спортзала. Висевшая на растяжках «груша», доска с мишенью для дротиков на стене, вместо кровати – два спортивных мата с простыней и без подушки, в углу – искусно сделанный макет холмистой местности, по которой были рассредоточены игрушечные солдатики – целая армия. У светлого прямоугольника окна, в одних трусах, стоял худенький мальчик лет двенадцати с темными волосами и тонкими чертами лица. В руках у него были гантели, когда Олег вслед за Хозяином вошли в комнату, он разводил их в стороны. Поглядев на отца, медленно опустил руки.

- Сынок, – сказал Хозяин, – я обещал показать тебе илота.

– Я не илот, – возразил Олег, но прозвучало это как-то неубедительно. – Я условно-свободный гражданин.

- Папа, – спросил мальчик, – почему он так странно говорит?

– Потому что он пьян, сынок. Помнишь, ты спрашивал меня, почему илоты не могут сидеть с нами за одним столом?

- Да, папа, помню.

– Вот поэтому. Когда они пьют, то теряют человеческий облик. Превращаются в животных. Видишь, какой он жалкий?

- Вовсе я не жалкий! – возмутился Олег.

– Ему, наверное, плохо, – в голосе мальчика звучала тревога. – Может быть, ему нужен врач?

- Нет, – покачал головой Хозяин. – Врач ему не нужен.

Он подошел к сыну и приобнял его за худые плечи.

- Одевайся, сынок. Сейчас мы спустимся в парк.

Когда они вышли из дома, утро уже вступило в свои права. Солнце пока пряталось за стеной деревьев, но капли росы на цветах уже переливались алмазным блеском. Воздух был свежим и очень холодным, Олег жадно глотал его в надежде, что винный морок отступит, но голова кружилась еще сильнее прежнего.

– Сегодня очень важный день для тебя, сынок, – говорил где-то за его спиной Хозяин. – Тебе нужно будет доказать, что ты мой наследник и будущий Хозяин. Ты готов?

– Что... что я должен делать, папа?

– Ты должен убить этого илота, – спокойно ответил отец.

Смысл его слов дошел до Олега не сразу. Он обернулся и, трясая головой, чтобы сфокусировать зрение, уставился на стоявших в пяти шагах от него Хозяина и его сына. В руке Хозяина блестел пистолет – маленький, похожий на игрушку. Но это была не игрушка.

Мальчик отступил назад. В его больших, широко раскрытых глазах, плеснулся страх.

– За что, папа? Он же ничего не сделал!..

Хозяин ласково потрепал сына по голове.

– Во-первых, сделал. Он перелез через стену и спрятался в нашем саду – и я до сих пор не знаю, зачем. Может быть, он хотел убить кого-то из наших людей. За это полагается наказание – смерть. Во-вторых, ты же видишь, какой он мерзкий. По-твоему, он заслуживает жалости? И, наконец, сынок, он – илот. Сами они говорят «усик», но это глупое слово. Он – илот, низший. Мы имеем право убивать низших, потому что мы – Хозяева.

– Но это... неправильно... – мальчик вырвался из-под руки отца и принялся отступать к дому. – Я никого не хочу убивать. Если он преступник, давай вызовем полицию, и они его увезут. Он мне не нравится, но я не хочу в него стрелять!

– Стой, – приказал Хозяин негромко, и мальчик остановился. – Подойди сюда.

Его сын нехотя, словно преодолевая невидимую преграду, сделал шаг по направлению к отцу. Олег, наконец, стянул с себя оцепенение – съевшийся в груди комочек страха стремительно распухал, распирая ребра и грозя вырваться наружу криком.

– Я ведь объяснял тебе, – сказал Хозяин мягко. – Полиция не имеет права никого арестовывать в нашем поместье. Мы здесь Хозяева, а они всего лишь слуги. На своей земле мы сами – и суд, и полиция.

Он снова взъерошил мальчику волосы.

– А теперь возьми пистолет.

Олег в панике завертел головой. Они стояли в начале длинной тенистой аллеи, с обеих сторон которой поднималась к небу высоченная живая изгородь. Солнечные лучи пока не проникали сюда, и аллея казалась зажатой между двумя темно-зелеными монолитными стенами. Ночью он уже пытался продрасться через такую изгородь и убедился, что эта задача ему не по силам. Оставалось только бежать по аллее вглубь парка – надеясь на то, что где-то там ему удастся найти укрытие. А если очень повезет, можно будет добраться до окружавшей парк стены и перелезть через нее. Загонщики, конечно, не станут караулить его всю ночь, к тому же днем они, как правило, отсыпаются. Законы не запрещают охотиться днем, но в ночных облавах больше азарта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.